

НИКА ЯНВАРЁВА

*И пели ей
райские
птицы*

Ника Январёва

И пели ей райские птицы.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22969865

ISBN 9785448375774

Аннотация

У повести богатая история. Первая встреча с Лилей, Павлом, Олегом, Светланой состоялась у автора в 12 лет. Потом было ещё несколько вариантов; последний обрел право на существование в виде полноценного произведения. Благодарность художнику Марии Михайловой. Непростая история любви, роковой цыганский глаз, тайны раннего детства, остроумные детские проделки, настоящие чувства и кипящие страсти. В первую очередь книга адресована девушкакам «в интересном положении» и молодым мамам, а также влюблённым.

Содержание

Глава 1. Магда. Лилька	5
Глава 2. Настя. Коварство	28
Глава 3. Едет...	38
Глава 4. Вот так встреча!	40
Глава 5. От лета до лета	46
Глава 6. Шалят...	61
Глава 7. Будни	68
Глава 8. В армии	75
Глава 9. Что с ней?	79
Глава 10. Наперекор судьбе	82
Глава 11. Загадай желание!	92
Глава 12. Дневник	97
Глава 13. Обретая себя	109
Конец ознакомительного фрагмента.	110

И пели ей райские птицы

Ника Январёва

© Ника Январёва, 2017

© Мария Михайлова, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4483-7577-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Магда. Лилька

А как же девочка?..

Губы Магды были полненькие и яркие даже без помады. Хотелось прикоснуться к их податливой мягкости снова и снова. С ней было так уютно, так завораживающе просто, что тревоги и сомнения обволакивались чем-то пухлым и не кололи душу. Вероятно, поэтому у него и получилось всё с первого раза...

Жительница Германии, наследница разных кровей, учительница русского языка фройлен Магда приехала в сибирский городок в рамках программы клуба интернациональной дружбы «За мир!» В течение ряда лет советский и германский КИД обменивались письмами, в которых рассказывали о полной славных дел комсомольской и пионерской работе, об истории и достопримечательностях родного города. А потом созрела идея обмена визитами. После полугодовой кропотливой работы все формальности были улажены. Проводив в Германию самого достойного представителя своего коллектива, коим оказалась преподавательница немецкого языка, завуч, орденоносец, ветеран труда Таисия Макаровна, русские кидовцы с нетерпением ожидали приезда иностранной гостьи.

На вокзале встречали большой торжественной группой. Несколько старшеклассниц-активисток в белых бантиках,

несколько не менее их взволнованных учительниц. Прочие – солидные мужчины: физик, завуч, директор школы, а также представители горно и горкома комсомола. В руках у каждого трепетали полосатые птички немецких флажков. Дорогую гостью домчали до школы на горисполкомовской «Волге». Основная масса встречающих прибыла на общественном транспорте.

В актовом зале силами изучающих немецкий язык старшеклассников была представлена приветственная программа. А потом – музеи, выставки, театры, многочисленные встречи и приёмы, растянувшиеся на целую неделю. Весь город желал лицезреть заморскую диковинку под названием «иностранный гость». Газеты пестрели её фотографиями и бесконечными интервью с нею. Ошеломлённая всей этой шумихой, фройлен Магда была просто счастлива, когда ей, наконец, позволили окунуться в рабочую атмосферу обычной советской школы. В чём, собственно, и состояла цель визита.

Оснащение кабинетов показалось Магде до неприличия скромным, хотя всё везде блистало чистотой и какой-то домашней топорностью. Количество учеников в каждом классе было невероятным. Одинаковость одеяния вызвала ассоциации с вполне определёнными учреждениями. И тем приятнее было Магде вслушиваться в неподвластный учительской указке гомон на переменах. Что же касается тех нескольких уроков, на которые её пригласили... Строгие

и немилосердно грешащие местным диалектом её коллеги и ученики, похожие на роботов поведением (которое именуется дисциплиной) и одинаковостью, вызывали тоску и напряжение в скулах. Когда же во внеурочное время устраивались пионерские сборы и комсомольские собрания с её участием, у Магды возникало ощущение многократного «дежавю»: вопросы задавались одни и те же, с почти одинаковой интонацией, с одинаковым вежливым вниманием выслушивались ответы.

Исключение случилось лишь одно... Сначала высоченные десятиклассницы, облачённые в форменные бантики и оборочки, задали ряд дежурных вопросов, на которые Магда ответила весьма дружелюбно. Хотя и со скрытой иронией. Кроме того, она позволила себе эдакую едва слышную «реплику в сторону». И увидела, как озорные чёртики заскакали в чёрных глазах сидящего прямо перед ней мальчишки. Внешне строгий и серьёзный, в отлично отглаженном костюме, с сурово уложенными волосами, на первый взгляд он производил впечатление «законченного активиста» и непробиваемого сухаря, от которого приходилось ждать идеологически выверенных вопросов и сдержанной реакции. Ну уж никак не смешинок в глазах. И не того, что сможет уловить едва заметную иронию из уст природной немки. А он ещё вдруг о чём-то и спросил вполголоса. Так запросто – с сочувствующей улыбкой, не подняв руки и не вставая. Магда ответила так же, вполголоса. Это было настолько вопиюще

безобразно в глазах классной руководительницы 10 «А» Марьи Степановны, что она на какое-то время онемела от изумления. Это позволило Магде и десятикласснику перекинуться ещё парой-тройкой непринуждённых фраз. У всех школяров приоткрылись рты. Марья Степановна с подобострастным извинением обратилась к гостю, после чего с громopodobным рыком обрушилась на нарушителя дисциплины. Он слушал, опустив голову, олицетворённое «виноват, исправлюсь». «Павел Зорин», – повторила про себя фройлен Магда услышанное имя провинившегося. И – одними губами: «Приятно познакомиться!» Он чуть заметно поклонился, усмехнувшись уголком рта.

Когда через день Магде предложили провести несколько уроков в классе на выбор, она назвала 10 «А». «Маленькие дети практически не воспринимают иностранный в устах носителя языка», – пояснила завучу. Нельзя сказать, что Марья Степановна была в восторге, но в интересах школы приходилось потрафлять этой, с точки зрения некоторых, малосимпатичной и легкомысленной дамочке.

А на уроках её присутствие ничуть не мешало. Магда добросовестно объясняла материал и задавала вопросы всему классу. И кто ж виноват, что лишь Павел Зорин мог дать исчерпывающие ответы! А дополнительные вопросы – это право любого учителя. Марья Степановна сокрушённо качала головой, не всегда поспевая за приткыми язычками Магды (ну, это понятно!) и Павла. Оказавшегося вундеркиндом.

Надо сказать, что он учился в этой школе всего четвёртый месяц, а потому Марья Степановна не успела узнать его как следует.

Впрочем, переживала классная напрасно. Диалоги Магды и Павла не содержали никакой крамолы. Но ведь, помимо слов, существует мимика... взгляды... А их-то к делу не пришьёшь.

Вскоре в одном из классов захворала учительница и, кроме как Марье Степановне, заменить её было некому. «Фройлен Магда и одна некоторое время поработает», – огорошил классную 10 «А» директор. Неясное беспокойство – не аргумент, а потому пришлось подчиниться.

Магда, почувствовав себя в безнаказанности, оживила учебный процесс. В частности, один из уроков она провела до безобразия нетрадиционно, на улице. Своим-то ученикам она регулярно устраивала подобное.

Выпущенные на волю великовозрастные детишки вмиг стали непосредственными и говорливыми. Магда, смеясь, отвечала на их уже заинтересованные вопросы «без протокола» – главным образом, по-русски. Но коллективный рассказ на тему «Мой город» добросовестно составлялся так, как и положено на уроке немецкого языка. Самые находчивые и скорые поспешили высказать избитые, но вполне уместные фразы. Остальные «перлы» немало позабавили Магду. Которая, однако, самоотверженно пыталась спрятать улыбку и терпеливо поправляла все огрехи.

И вот уже почти все высказались, и Магда ощутила лёгкое беспокойство: почему-то Павел непривычно молчит. Где он? И тут же, как бывало всегда, когда она подумает о нём, их взгляды встретились. Павел словно слышал её. Вот и сейчас он как-то неприметно приблизился. И сказал быстро и взволнованно, только для неё: «Мне дорог этот город, потому что здесь я встретил вас». Случившийся рядом Егорычев, который безуспешно пытался высказаться по теме, тут же повторил то, что уловил, – первую часть фразы Зорина, а от себя добавил с апломбом: «Потому что у нас самые „гут“ девушки». Магда хвалила Егорычева за патриотизм – а сама, покачивая головой, смотрела на пылающего лицом Павла.

Магде было 27 лет. Дома, в Германии, у неё был Фредди, близкий друг, с которым собирались пожениться в неопределённом будущем. Русский мальчишка затмил своей яркостью рыхлую фигуру Фредди, бесцветные глаза которого решительно не помнила. А эти угли зажгли кровь, их не забыть...

Всё в Магде казалось мягким: и медовый оттенок слегка рыжеватых волос, и белый подбородок, и маленькие розовые мочки ушей. И манера говорить, и жесты, и выражение лица... Если бы её звали по отчеству, если бы голос её был твёрже и зычней, вряд ли в голову Павлу заглянули бы крамольные мысли. А так... «Фройлен Магда» – и холодок по спине. Её брючный костюм тоже в диковинку и на учительнице смотрится... гм... более вызывающе, чем на дев-

чонках мини. Разумеется, на дискотеках.

...Магда обвела взглядом десятиклассников и сказала, что они молодцы и что урок окончен. Детки завопили «ура». А Егорычев жизнерадостно предложил «отметить это дело» в кафе, что призывно сверкало вывеской напротив.

Неожиданный набег не застал врасплох шефа заведения. Места за столиками нашлись для всех. И горячие напитки не заставили себя ждать. Шумные посетители оказались в большинстве своём людьми занятыми – кружки, секции, неотложные дела довольно скоро унесли многих. Правда, некоторые позволили себе полакомиться пирожным или перекусить бутербродом. «Хлоп-хлоп», – выплёвывала недовольная дверь краткосрочных клиентов. Вскоре не осталось почти никого. Стала слышна музыка и звяканье убираемой посуды.

У Павла через час начиналась тренировка в секции фехтования, и он, никогда не числящийся в прогульщиках, прекрасно помнил об этом. Но... Подняться и уйти было выше его сил. Напротив сидела Магда. Её лицо от мороза и последующего тепла стало по-русски румяным. Ни оттенка учительского выражения не осталось на нём. А всегдашняя притягательность усилилась. И во всём – в спустившемся на розовое ушко рыжеватом завитке волос, в изящных пальчиках, что держали чайную ложку, в пухловатых губах, в округлом подбородке – во всём её облике было столько магнетизма, столько манящей запредельности...

Магда чувствовала обжигающие взгляды, и фраза Павла – «о городе» – непрестанно звучала в мозгу. Сосредоточенно помешивая остывший кофе, она казалась отстранённо-далёкой. На самом же деле – она решала одну из самых сложных задач... Может быть, он всё же уйдёт?..

– О, уже никого нет! – так и не дождавшись, Магда тряхнула, наконец, головой и, поднимаясь из-за стола, огляделась. Намеренно избегая встречаться глазами с Павлом. Он вскочил. В висках стучало. Только ли от выпитого кофе?

– О, уже темно, проводи меня, – обронила Магда, не обернувшись, когда они вышли на улицу.

Это прозвучало так естественно... «Я в любом случае пошёл бы», – внутренне холодея, понял себя Павел.

«Он и без этого пошёл бы за мной», – подумала Магда, заметив краем глаза, как дрогнули при её словах его ресницы.

Воздух был свеж, и морозец крепчал. Потому Магда, пряча лицо в пушистый воротничок, шла быстро. Павел мороза не замечал. Он замороженно смотрел на снежинки, что зависали в выбившемся из-под шапочки медовом локоне. А синие сумерки подступали всё ближе. Их расчерчивали подвижные жёлтые дорожки фар. Фырчали моторы, звенели проходящие мимо трамваи, люди пробежали по своим делам – улица была наполнена обычными вечерними звуками. Но Павел слышал лишь звук высоких чёрных каблучков, которые так по-нашему поскрипывали, вдавливая снег...

Магда жила довольно близко, в пятиэтажном кирпичном

доме – это директор школы расстарался, чтоб не ударить в грязь лицом, – на первом этаже. Что было очень удобно... В подъезде горела тусклая лампочка. Магда отыскала в сумочке ключ. Свет в коридоре брызнул в глаза неожиданно ярко. Павел чуть зажмурился.

– Битте, раздевайся, – совсем рядом раздался чарующий голосок Магды.

«Что я делаю?!» – запоздало шевельнулось в мозгу десятиклассника. Внезапно скованный, он неловко разулся, снял шапку и куртку. Механически провёл по волосам. Глаза уже освоились со светом, и Павел с восхищением принялся смотреть. Нет, не на учительницу – на ту прелестную молодую женщину, что с небрежноватым кокетством поправляла перед круглым настенным зеркалом растрепавшиеся прядки. Округлые плечики угадывались под тёмно-ореховым пиджачком. Без каблучков фройлен оказалась неожиданно дюймовистой, чуть выше его плеча. И Павел окончательно перестал чувствовать себя учеником. Социальные различия утратили власть. Они были просто мужчина и женщина – взрослые люди, которым незачем притворяться друг перед другом. Магда поняла это, когда, обернувшись, оказалась с Павлом неожиданно близко, и он не отшатнулся испугнутым оленёнком, а бережно принял её в свои объятия.

Каким горячим, неутомимым и уверенным в себе открылся Магде этот неискушённый мальчик! Его первые – она не могла обмануться! – первые! – поцелуи своей непосред-

ственностью, вкраплённой в страсть, были пьянящи до умопомрачения. Его мускулистое ловкое тело хотелось обнимать бесконечно. Никогда ещё Магде не приходилось так глубоко, так безвозвратно окунаться в пучину страсти. Грех соращения она сама себе простила. Павел смотрел на неё обожающими глазами – и ни тени раскаяния не испытывал.

То, как они будут общаться на людях, больше всего беспокоило Магду: ей казалось, что все сразу поймут... Но эта тревога оказалась совершенно напрасной: Павел не переменялся с ней ни на йоту. Подчёркнуто вежлив и корректен, он с прежним спокойствием смотрел ей в глаза и обращался без единой сомнительной ноты в голосе. Такого самообладания она и ожидать не могла... И тем желаннее, по контрасту, становились встречи тет-а-тет. «Как я буду жить без него?» – однажды подумала Магда и испугалась: «буду жить» – это о будущем, а какое будущее может быть у них одно на двоих? Да никакого. Так что слишком увлекаться вовсе не следовало. Красивый русский мальчик встретит красивую русскую девочку. Нет, не из тех, что учатся с ним вместе – ни в одной Магда не увидела достойную Павла. Другую. Обязательно встретит. Жаль только, что они больше никогда не увидятся...

...А девочка была. Только Магда о ней не узнала. Потому что Павел задвинул в ящик летние приключения – вместе с фотографией своей летней подруги. Едва лишь познако-

мился с Магдой... В ошарашивающей взрослой жизни не было места ни тоске, ни беспросветности осени. И летняя романтическая история, завершившаяся сплошным минором, съёжилась и отступила куда-то на задворки.

Они познакомились случайно, волею обстоятельств оказавшись в кардиологическом санатории: двое подростков среди пожилого контингента.

Экзамены за 8 класс не лучшим образом сказались на здоровье Лили: в сердце обнаружилось шумы, в крови – недостаток гемоглобина. А один ветеран некстати отказался от почти оформленной путёвки – ему предложили более престижную здравницу. И участковый терапевт, убивая двух зайцев, убедил Лилиного брата Олега воспользоваться шансом поправить здоровье сестры. А Павел угодил в санаторий по милости отца, заглаживающего свою вину...

В тот день Павел поднялся рано. Солнце трогало лучом занавеску, приглашая на волю. Два соседа по комнате, как и положено нормальным отдыхающим, ещё досматривали сны. И Павел решил воспользоваться моментом, чтобы сгонять к морю.

Утренняя прохлада была приятна. Благоухающая природа, казалось, недоумевала: как люди могут спать? Неужели их не прельщает свежесть, которую через час-другой растворит зной?

Павел шёл по дорожке к запасному выходу, логично рассудив, что именно им пользуются нелегальные купальщики.

Полузаросшая тропка петляла, то ныряя в заросли, то выскакивая на открытое место, то почти приближаясь к основной аллее, вдоль которой выстроились домики отдыхающих. Павел передвигался сначала крадучись, но потом понял, что нереально на кого-то наткнуться в этот неурочный час. Задумавшись, не сразу заметил, как тропинка в очередной раз выскочила из кустов и вывела к синему домику, на ступеньках которого сидело заспанное создание: длинноносое, синеное, в солнечно-яркой футболке. При его появлении создание вскочило – и Павел узнал «барышню», которую обнаружил накануне сидящей на скрытой зарослями скамейке. С книжкой в руках и в беленьком сарафанчике. Окликнуть её вчера он не решился – незамеченный, обалдело простоял несколько минут и ушёл. А сейчас как-то само собой слетело с языка:

– Пойдём к морю!

Она, смеясь, закивала и через три ступеньки прыгнула к нему.

...Магда уезжала после зимних каникул. Никаких прощальных сцен с заламыванием рук и обливанием слезами не было. Сувениров и вещиц на память – тоже. Магда лишь крепко прижалась к Павлу, сказала: «Ты – настоящий. Оставайся таким». И, к немалому смущению юноши, перекрестила его – комсомольца и советского школьника. За одно это его могли бы запросто вычеркнуть из ВЛКСМ. А за амораль-

ную связь (!) с взрослой женщиной (!!), с учительницей (!!!), с иностранной подданной (!!!!!) карательные органы, пожалуй, стёрли бы его с лица земли. Но Павел, к своему удивлению, не чувствовал ни ужаса, ни угрызений совести.

На расчищенной площадке перед школой состоялся прощальный митинг, по причине мороза довольно краткий. Павел смотрел из-за спин. Но его зрение было иным, чем у любого из присутствующих. Магда с выражением вынужденной любезности улыбалась пухловатыми губами, и только он, один из всех, знал их мягкий вкус. Рыжеватое колечко волос спустилось на щеку, и он тут же вспомнил, какие они на ощупь – волосы и щека. Магда таким знакомым движением передёрнула плечиками: «Холодно!» – и ещё вчера он в ответ непременно бы обнял эти плечики, как случилось не раз. Хорошо, что никто не может проникнуть в его мысли. А внешне Павел абсолютно бесстрастен. И его взгляд, который напоследок находит Магда, совершенно спокоен. Слегка уязвлённая, она подносит пальцы к губам. Нечто вроде воздушного поцелуя? Павел едва заметно кивает и выбирается из толпы. Машина уезжает уже без него.

Да, ему очень хотелось проводить её – одному, без всех этих «официальных лиц». Примчаться, к примеру, на вокзал с охапкой роз, и увидеть восторг с изумлением в милых карих глазах, и обнять, и замереть в последнем поцелуе – самом сладком из всех... Но нельзя позволить себе быть бесшабашным, как Иван Анненков из «Звезды пленительного

счастья». Нельзя.

Теперь Павел часами бродит по городу. Нет, уроки, как и положено, тщательно приготовлены – это уже необременительная многолетняя привычка. И в секции фехтования теперь без пропусков. Но всё остальное время, которого оказывается до нестерпимости много, Павел проводит в хаотичном и бессистемном движении по улицам. Магды с ним больше не будет. И к этому надо привыкнуть.

Вскоре блуждания наскучили Павлу, он схватился за книги. Читал всё подряд, глотая том за томом. Пока, наконец, не наткнулся на научно-популярное издание по психологии. Вот тут-то и вспыхнул интерес. И последовало более вдумчивое отношение к чтиву. А там – случайная фраза в автобусе – о факультете психологии местного института, где проводятся вечерние занятия для всех желающих.

Тренинги, ролевые игры, тесты. И – раздумья, открытия, постижение себя и окружающих. Мир на глазах преобразается. Точнее, взгляд на него. Угрюмость отступает. Появляется настроение что-то делать, а не в качестве автомата впрягаться в повседневную рутину.

Совсем внезапно, как отголосок из другого мира, как солёные брызги далёкого летнего моря, как протянутая сверху соломинка, донеслось до него однажды письмо от Лили. Наивная девочка всё ещё была во власти августовской катастрофы, она обречённо металась в замкнутом круге сомнений, боли, ненависти-любви к нему. Полное слёз и терзаний,

письмо было притом вовсе не униженно-молящим, а уж скорее гордо-трагическим. Ох, как же противно заныло внутри от сознания собственной подлости! Последние месяцы – яркие, взрослые, пряные, наполненные Магдой и воспоминаниями о ней, напрочь заслонили в памяти летний эпизод, горечь от нелепой разлуки, изматывающую тоску осени. Единственным проблеском помнилась весточка от Светланы. Старшая сестра сообщала удивительные вещи. Оказывается, она осталась в родном городе не просто наперекор отцу – она вышла замуж. И, волею случая, избранник её оказался Лиле родным братом... В письме была и фотография – они снялись буквально за час или два до разлуки. Лиля обронила квитанцию, Павел из этого тут же сделал вывод: забыт и вычеркнут. Своё изображение отстриг и сунул небрежно между бумаг, а Лилькина унылая мордашка смотрела с его стола довольно долго. До появления Магды. Вот тогда укоряющие глаза летней подружки захотелось не видеть. А сейчас – самое время корчиться от боли под прицелом разъедающего душу «эх, ты!» «Ну гад я! Гад! Изменил тебе!» Но нежное полудетское личико никак не соглашается быть соотнесённым с жёстким и взрослым словом «измена». Увидеть в Лиле объект страсти как-то нелепо, гадко, цинично даже... И, значит, он её не любил? Но разве могут так терзать платонические чувства? Чушь. И всё же представить её в своей постели сродни святотатству. Снежно-чистая. А потому притягивает и отталкивает. Идол для

поклонения, предмет обожания, фетиш. Павел с замиранием в груди рассматривает вздыбленную чёлку, слегка нахмуренные брови, со смутной тревогой глаза. И кажется, что не было никакой «любовной интрижки». Ох, нет, не поворачивается язык опустить **то** столь низко – слишком свежо, слишком ещё больно. И не правда совсем! Измываться над этим нельзя, иначе себя тоже низведёшь до уровня... В непроницаемый хрустальный ларец, в самый глубокий закуток души. Навсегда. Ото всех. А для Лили стать тем, кем хочет его видеть: рыцарем без страха и упрёка. Она-то выдержала испытание разлукой. И незачем взваливать на её худенькие плечики его вину и раскаяние... которого, кажется, и нет.

Павел наполняет себя воспоминаниями, стремясь отодвинуть пока мысль о столь нелёгком для него ответном письме.

Лиля стояла против солнца. Раскрытыми ладонями она подбрасывала, встряхивая, тёмные и длинные волокна своих мокрых волос, и они буквально на глазах менялись, становясь всё более светлыми, лёгкими, роднясь цветом и блеском с солнечными лучами, что подсвечивали их сзади. И вот уже это не девочка, до бёдер покрытая ниспадающими лучами, это какое-то неземное, воздушное существо, источающее свет. Павел, замерев, взирает на чудесное перевоплощение. А Лиля, приметив, наконец, его столбняк, вдруг срывается с места и, залиvisto смеясь, устремляется в какое-то замысловатое кружение – то ли танец, то ли полёт. Её волосы

вместе с тонкими загорелыми руками образуют подвижный искрящийся конус. Блики влаги и света пятнают стройную фигурку. Серебряный смех скачет по округе.

«Самые те» слова, наконец, приходят. Павел осторожно и бережно заполняет строчку за строчкой. Запечатывая письмо, чувствует себя полностью выжатым, как после трёх-часовой тренировки.

Последующие послания даются значительно легче: привычным иронично-лёгким слогом, каким сочинения писал: о своей жизни «анахорета», о зимних прелестях «солнечного Магадана», о «скорпионах в банке» – соседях по этажу и «стойких оловянных солдатиках» – приятелях по секции фехтования. При этом Павел постоянно обращался к Лиле – тепло и ласково, будто беседовали, присев на берегу, или бродили среди пышной южной растительности.

Лилька писала взахлёб, точно боясь не успеть, забыть, упустить что-то важное, – обо всём, обрушиваясь сквозь прорванную запруду каскадами впечатлений, размышлений, воспоминаний. В стремлении открыть всю душу, поделиться каждым миготом жизни, убедить: я хорошая, интересная, переживи это вместе со мной!

Иногда, стоя в ожидании автобуса, пряча от ветра за ворот лицо, Павел задумывался: «А смогу ли соответствовать? А осилю ли эту лавину эмоций? А нужно ли это мне?» Но дома Лилькин взгляд оказывался вдруг рассерженным. Или

разочарованным. Или опечаленным. И Павел тогда усмехался: о чём это я? Всё уже сплелось.

О Светлане и Олеге Лиля упоминала изредка, только вскользь. И тем неожиданнее было для Павла сообщение о рождении племянницы. «Так вот почему сестрица выскочила замуж семнадцати лет!» Скромница и тихоня, кто б мог подумать. Отец на эти новости только хмыкнул: у него были проблемы на работе... да и в личной жизни хватало своих забот.

Неожиданно, вероятно, под влиянием «образа принца», в который старательно вживался, у Павла прорезалась способность к стихоплётству. Лиля была в восторге, хотя посылал ей далеко не всё. А однажды она робко призналась, что тоже сочиняет... но «низачто-низачто» не покажет ему. Можно представить, сколько милых глупостей таила её тетрадка. И как же это приятно... Его же «опусы» – вот они.

Зелёные волны – белый гребешок.

Солнце сыплет жгучесть прямо на песок.

Гладенькие камешки, ребристые створки.

Нам с тобою весело, как ребятам на горке.

Плавали, ныряли, врезаясь в медуз.

Как меня смущала ты, червонный туз!

Но твои пятнадцать, скромность, чистота
Крепче всех запретов пали на уста.

Чёрными глазами жадно пожирал.
Тёмными ночами – во сне лишь! – обнимал.

Ревности ужимки – колкие иголки.
Ты смеялась весело, а душу грызли волки.

Под дождём простыла, вымокнув дотла.
О, вот это шутка надо мной была!

Я носил ей супчик, кашу и компот.
Зарывшись в одеяло, лишь кривила рот.

Я читал ей книжки, смешил и развлекал.
А врачиха с трубочкой устроила финал:

Ей болеть мешаю! Прочь меня и вон!
Фу, дурища злая, устроила разгон.

Маялся ужасно в стае стариков.
Ох, и надоели, сбежал аж со всех ног.

Снова были вместе, радовались лету.
Но – письмо от брата: «Встретить не приеду.

На родном заводе покалечил ногу.
Ты сама справляйся, птенчик, понемногу...»

От вестей унылых приключился шок.
И никто помочь ей из врачей не смог.

Сумки-чемоданы – да на мои плечи.
Утром уезжали, но вечера не легче.

До Москвы – билеты,
Ну, а дальше – нету!

Электричка, поезд, попутка и автобус...
Так устали, будто облазали весь глобус.

Тебе хотел я объяснить,
Что год почти – ужасно долго,
Что ты захочешь всё забыть,
Вдруг повстречав того, кто... Полно!

«Всё поменяется, поверь.
Мы встретимся – совсем чужие.
Смотреть с стыдом в прошедший день?
Зачем – раскаянья стихия?»

Не стоит душу беречь
Словами «может быть».
Лист летний нам перевернуть
Осталось... В добрый путь!»

Но ты упряма и верна.
Но ты мой вывод опровергла.
И остаётся мне одна
Надежда: что твой вывод – верный.

Мы встретились случайно,
В глазах мерцала тайна,
Которую хотел я разгадать.

А чувство было ранним,
А море – третьим крайним.
О, деды и старушки, вам это не понять!

Но скоро с неба манна
Закончилась обманно —
И восвояси надо уезжать.

Порвалось всё неожиданно.
Где «вира» и где «майна»,
Теперь уж никому не разгадать.

Видишь ли, моя хорошая,
Думал: будет снегом запорошено
То, что было с нами:
Лето за горами.

Видишь ли, хотел как лучше я,

Получилось: пламя без огня.
Получилось, что в тоске зимы
Заблудились мы.

Вижу я теперь: связала нить.
И её мудрёно разрубить
Топором-разлукой.
Будет впредь наука!

О моя принцесса с серыми глазами!
Как к тебе стремлюсь я – выражу едва ли.
Снега километры, ветры и позёмки.
У берёзок ветки тонкие так ломки.

Путь по рельсам скользким длинен, ненадёжен.
Я твоими письмами только обнадёжен.
А иначе – выйти б в лунные поляны
И завывать с ветрами яростно и рьяно.

Так не хотелось ехать в санаторий!
Деды, печальный перечень историй
Из их болезней, хворей; прошлый дым.
За домино. За шашками. Режим.

Так было скучно – хоть убей!
Но тут пора сказать о **Ней**.

Меня пленили пепельные косы
И хрупкость заострённого лица,
Глаза большие, чуточку раскосы,
И чистый взгляд младенца-агнца.

Смущением и тревогой холодея,
Смотрел с восторгом из густых ветвей.
И кровь в висках стучала всё сильнее,
Лишь трогал ветер платице у ней.

Закрытый томик рядом на скамейке —
Я «Бальмонт» на обложке прочитал.
Дорожки кос – как две лукавых змейки.
И скован думой худенький овал...

А море было рядом, и с режимом
Не подружились мы, спеша к нему.
И, не рискуя показаться лживым,
Скажу, что больше, чем любил волну,

Хотел смотреть в безмолвном упоенье
На стройную фигурку в сонме брызг...
А врач дежурный мерил мне давление.
А кое-кто так напивался вдрызг...

Глава 2. Настя. Коварство

Это был удар ниже пояса.

Что от любви до ненависти путь невелик, Павел, естественно, знал. Но ждать такой подлости мог бы – от кого-кого, только не от Насти. Хотя именно эта белокурая красавица попортила ему немало крови.

С новичками не церемонились нигде и никогда. Им устраивали проверки, их презирали и унижали, делали козлами отпущения – не скоро и не всегда переводя в ранжир равных. Живущий отголосками летних событий, весь во власти переживания от расставания с Лилей, Павел ничуть не думал о своём сосуществовании с новыми одноклассниками. В своих знаниях он был уверен, учителей не опасался, а уж с кем сидеть в классе бок о бок всего каких-то несчастных девять месяцев, его совершенно не заботило.

Парни сразу оценили его основательность, немногословность и уверенность в себе. Девочки сочли это пренебрежением и жутко возмущались, чуть не в глаза называя зазнайкой и сухарём. Особенно же поведение Павла задело Настю Пескову, признанную красавицу и покорительницу сердец. Пусть новенький был весьма яркой наружности. Пусть он имел спортивную фигуру. Пусть – чёрные цыганистые глаза и рот тонко очерченный, а по мнению девчонок, и очень чувственный. Но ведь и Настя была – не «горемыка с рын-

ка»: «высока, стройна, белая, и умом, и всем взяла». А что «горда, гневлива, своенравна и ревнива» – так это ж не минус для знающей себе цену девушки. Привыкшая к восхищённым взглядам «публики», Настя больше всех оказалась задета: Павел не смотрел **и в её сторону тоже!** Будто она обычная Жанка или Светка. Немудрено, что коварный план созрел в её хорошенькой головке довольно быстро. Подговорить Жорика Жмыха, признанного авторитета 10 «А», Насте не составило труда: тот был давним воздыхателем томной красавицы.

С нетерпением Настя ждала начала нового дня, а точнее – появления Зорина в школе. Но его внешность и поведение сегодня ничуть не отличались от ставших уже привычными. А вот Жорик, явившийся следом, нынче заметно прихрамывал. Ещё трое его приятелей сверкали синяками и ссадинами, кое-как замамуфлированными под застаревшие. Вид все четверо имели весьма сконфуженный и – отчасти – удивлённый. Проучить новенького банальным битьём не удалось: даже застигнутый врасплох, он вмиг раскидал нехиленьких налётчиков. Чем вызвал к себе уважение у нападавших. Того ли добивалась Настя?! Чтобы её проверенные годами школьной дружбы одноклассники вдруг променяли её на какого-то чужака?! Впрочем, с помощью верных подружек ей удалось проделать ещё несколько мелких пакостей, вроде девчачьего бойкота (на день их и хватило-то всего), бумажек с гадкими словечками на спине, колюще-ре-

жущих предметов на стуле, испорченной странички в дневнике... Этот бесчувственный чурбан казался неуязвимым. И Настя в конце концов отступилась... Но с содроганием в душе вынуждена была признаться себе, отчего её так бесит его непроницаемость и равнодушие: она-то к нему вовсе неравнодушна, и более того – влюблена по самое некуда! Ах, зла ты, любовь, зла! И одноклассники многие оказались куда проницательнее, чем она предполагала. Чего стоила одна только ухмылочка преданного прежде Жмыха. И Настя самым натуральным образом страдала – никогда и не подозревала в себе такой способности. Но слёзы по ночам и отсутствие аппетита мгновенно прекратились с появлением Магды. На которую тут же положил глаз Зорин. Ревнивая злоба необычайно зорка, а потому ни малейший нюанс отношений Магды и Павла не укрылся от Насти. Страдание сменилось пламенным желанием отомстить. «Первая красавица школы недостаточно хороша для тебя – заграничную взрослую диву подавай!» – негодовала сама с собой уязвлённая девушка. Но Магда уехала, и скис теперь уже мнимый сухарь. Правда, эти олухи окружающие ничего не замечали, но Насте достаточно было едва уловимой тени под глазами, скользнувшего туманного взгляда, неясного движения руки... Но мало, мало этого было за поруганное самолюбие Насти Песковой. Она вынашивала поистине дьявольский план, смакуя детали и предвкушая триумф. Скандал при любом исходе обещал быть нешуточным, а скандальная слава и головокружитель-

ное сокрушение врага – что может быть слаще и упоительнее?!

Удар был явно ниже пояса. Зорин побелел на миг. В простодушных словах Насти, казалось, не крылось никакого подвоха:

– Тебе ведь знаком этот адрес, не правда ли?

Однажды под вечер Зорин случайно попался Насте на глаза. Она, незамеченная, проследовала за ним до названного теперь дома... Она умеет молчать, до поры – до времени не открывая своих козырей. Это Павел понял сейчас. О, женское коварство!

– Мне надо подумать, – внешне спокойно проговорил Павел, и тем самым ввёл Настю в соблазн свершить всё немедленно. Но минутные порывы она подавлять умела. А потому лишь плотоядно облизнулась, выдерживая мучительнейшую, по её мнению, для Зорина паузу.

– Завтра в пять, – обронила, наконец, елеиным голосочком, который обычно выводил собеседника из себя.

Это был шантаж, дело ясное. За молчание Настя – умнейшая, стервознейшая Настя! – вряд ли запросит денег: всем известно, что семья Песковых едва ли не самая обеспеченная в районе. Тогда что ей нужно? Удовлетворить своё требующее отмщения самолюбие. А это – унижить и сломить строптивца, который предпочёл ей другую. Смертельно обидев. Итак, на одну чашу весов она, без сомнения, положит... себя. С другой был, почему бы теперь – не с ней? А потом

распишет в красках подругам, сместив акценты в нужном направлении, выставив его посмешищем на всеобщее обозрение... А то и накропав слезное заявление о том, как распоясавшийся охальник её обесчестил. А влиятельный папаша за любимую дочуру любому глотку перегрызёт, это всем известно. Но этот путь грозит позором и ей. Неужели она хочет такой популярности – чтобы пальцем показывали да хихикали за спиной? А в глаза притворно жалели и сочувствовали? Ей нужна такая слава?! Сомнительное удовольствие... Но, может, ей именно так хочется разнообразить пресно-беспроblemную жизнь? Или крыша маленько съехала от «безответной любви»? Кто ж её знает...

А на другой чаше весов – вестимо, разоблачение его связи с Магдой. Всё ж таки проницательна эта Настя сверх всякой меры. И так долго выжидать удобный момент! Отпираться бессмысленно, это не может быть блефом. У неё наверняка есть доказательства. Эх, не бывать тебе разведчиком, Павел Зорин! И никем вообще не бывать, если не найдёшь выход.

Но Настя, ослеплённая желанием отомстить, кое-что всё-таки упустила из вида. Отомстить она хочет одному Павлу. Но ведь каждый комсомолец – не сам по себе. Он член коллектива. И его проступок ляжет тяжёлым пятном на всю школьную комсомольскую организацию, на весь район. И они, безвинные, пострадают оттого только, что одной самолюбивой девочке не удалось захомутать понравившегося мальчика. Хм, только вот где, Пашка, были прежде твои

похвальные мысли о коллективе, который не хочешь теперь подставлять? О чём думал ты, комсомолец Зорин, когда пошёл на поводу у своих... «низменных инстинктов» – так, кажется, это называется в приличном обществе? И ведь счастлив был, и думать ни о чём не думал. Раз шито-крыто – то и совесть спит? Перед собой-то можно не юлить, и сейчас ведь нет никакого дела ни до коллектива, ни до школы, ни до целого района. Прикрываться высокопарными словами перед самим собой бессмысленно. Он ведь банально ищет способ выйти сухим из воды. А для того, – понимает вдруг Павел, – ему непременно союзник нужен. Да такой, чтоб больше его был заинтересован в неразглашении скандальной информации. Таких, пожалуй, немало, но «именно того» надо угадать. Директор школы? Что он может сделать? – Исключить. За аморалку. Но пятно ведь на школе останется. Настя язык не удержит. Что ж ему – бежать? Прочь из города. Но куда же? – посреди учебного года, без справки даже об образовании. Поделиться с отцом? Вон он в соседней комнате сопит в телефонную трубку, слова с трудом подбирает – не иначе, с дамою беседует. И уж не в первый раз. Что ему до оболтуса-сына, на которого ещё в сентябре рукой махнул? Поможет? Как? Или вовсе из дома выгонит? Да пустое, пустое... С сестрицей посоветоваться? Далеко она. И вряд ли с сочувствием отнесётся к его «похождениям». Не хочется упасть в её глазах.

Но ведь есть тот, – доходит, наконец, до Павла, – есть

тот, кому любой из потенциальных поступков Насти придётся не по душе. Во-первых, потому что она – его дочь. И во-вторых, потому что их школа находится на территории возглавляемого им района. Это ей прославиться охота – а расхлёбывать-то ему придётся. Эх, и здорово! Теперь только надо, пока взят тайм-аут и Настя предвкушает, но бездействует, надо немедленно связаться с её отцом.

Имя-отчество секретаря райкома известно всем. Как и то, что домой он прибывает около семи. И адрес Песковых Павлу хорошо знаком.

Зорин тщательно одевается и, придав лицу официально-серьёзный вид, пускается в путь.

Чутьём опытного партийного функционера Песков безошибочно определил, что презентабельного вида юноша владеет значимой информацией. А потому с пониманием принял отказ парня подняться в квартиру. Они говорили в служебной машине, шофёра из которой Песков послал предупредить жену, что немного задержится.

Познания в психологии и врождённая интуиция позволили Павлу умело и неприметно манипулировать собеседником. И серьёзности ему было не занимать. Акцентируя внимание родителя на легкомысленности планов дочери, а партийного работника – на вполне реальной угрозе прогреметь на всю область, Павел не вдавался в интимные подробности своей биографии. Говорил коротко и веско. Песков сразу уловил суть и уяснил первоочередные меры для себя: изоли-

ровать на время дочь, а этого юношу возможно скорее выдворить из обозримых пределов. Подумав минуты две, он изрёк:

– Дочь завтра же – в санаторий. Ты тоже завтра, в воскресенье, сдаёшь все экзамены, получаешь документ – и чтоб духу твоего!.. Деньги будут.

– Не надо, – мотнул головой Павел.

– Не возражать! – повысил голос начальник. И тут же хлопнул Павла по плечу, добавив «человеческим голосом»:

– За Настю спасибо, а остальное – на твоей совести.

Дальше события понеслись кувырком. Отозванные с выходного учителя в спешке пытали Павла по всем предметам. И, если бы не феноменальная память и способность молниеносно адаптироваться к любым условиям, скороспелому выпускнику пришлось бы совсем туго. Спешно строчились протоколы испытаний и заверялись экзаменационные листы. Аттестат с печатями и подписями, датированный грядущим июнем, Павлу торжественно вручили в половине десятого вечера. Причём, как ни странно, учителя, лишённые по вине ученика законного выходного, негативных эмоций к нему не испытывали. О причине скоропалительной высылки никто достоверно не знал, но гонимые у русского человека на уровне инстинкта вызывают сочувствие. К тому же, далеко не каждый способен держаться молодцом в подобной ситуации. Да и блестящие знания не могли не вызвать в душах педагогов законного восхищения. Так что пожела-

ния были тёплые и искренние. Кое-кто даже не смог сдержать слёз.

Поздним вечером Павлу вручили билет. А ранним утром за ним пришла машина. Парень прекрасно понимал, что такой «почёт» сродни надзору за преступником. А сопровождающий – тот же конвоир. Но не испытывал оттого ни обиды, ни досады: Песков знал, чем рисковал, и не мог быть спокоен, если б не контролировал события.

Помогая Павлу в поезде запихнуть под полку вещи, песковский шофёр туда же поставил средних размеров спортивную сумку, кратко буркнул:

– Деньги в кармане сбоку.

О чём говорил Песков с его отцом, Павел не знал: это произошло в то время, пока шли экзамены. Сыну же Евгений Иванович Зорин по возвращении сказал:

– Хорош, шельмец. Драл я тебя, видать, мало. Живи теперича, как сам кумекаешь, – и пронзил неприязненным взглядом из-под кустистых насупленных бровей. Хрустнув новыми корочками сыновнего аттестата, криво усмехнулся:

– Пятёрочник, тудыт ты в качель! Наш пострел везде поспел!

С минуту пожевал сморщенным ртом, подумал.

– А ведь окромя как к Фёдорычу, деваться тебе некуда. Подашь мою депешу – на завод пристроит и общежитским бытом обеспечит... Эх, кабы не Пескова девка, гнить бы тебе, щенок, в тюрьге! – словно смакуя каждое слово, медлен-

но ронял отец на склонённую голову сына. «Похоже, батюшка избавляется от хомута, – понял Павел. – Да и к лучшему всё. Нечего было тащить меня в сибирские дали...»

Словно подслушав, отец продолжил:

– Думал, что девка уродилась непутёвая, так хоть ты по моим стопам пойдёшь. Головастый ведь и руки не кривые. А ты, видать, хоть и мордой в меня чёрен, нутром в ихнюю породу уродился, в антилихентную. Ну, так тому и быть: вот Бог – вот порог. И люди мы теперь посторонние.

Глава 3. Едет...

Павел присел на полку и, прислонившись к стене, закрыл глаза. Образ Магды тут же возник перед ним. С мягким выражением взгляд, рыжеватые пряди, улыбающиеся сочные губы. Сердце защемило. Никогда, никогда, никогда... Усилием воли заставил себя представить Лилию. Хрупкая фигурка, доверчивое личико, капризные тонкие губки. Она с надеждой ждёт лета, когда он, наконец, сможет приехать. А он уже едет, не предупредив. Как и когда они встретятся? Павел предполагал пока устроиться на работу и на житьё, не прикасаясь с подружкой. Несколько месяцев, в идеале, он хотел провести инкогнито. Но – как оправдать перед Лилей своё молчание в ответ на её письма? Вообразит невесть что. Да и отцу, не хотелось бы, чтобы попали её послания. Значит, надо как-то её предупредить. Путь долгий.

Павел достаёт блокнот и ручку. Его соседи по купе, разного возраста командировочные мужчины, поглощены захватывающим трёпом о своих похождениях. И никакого внимания на желторотого юнца не обращают. Он же иногда невольно вспыхивает от их живописных скабрёзностей. Письмо Лиле получается куцее и неряшливое: Павел пишет на колене, сжавшись в уголке у окна, отстранившись, насколько это возможно, от гнусностей и пошлостей. Конверт чисто случайно обнаруживается у проводницы. На первой же остановке

Павел опускает в ящик весточку для подружки. Хочется думать, что она не очень рассердится и испугается. Павел довольно туманно обрисовал ситуацию, из-за которой ему пришлось сменить место жительства и причины, по которым они не смогут переписываться. Пожалуй, месяц можно продержаться. Там что-нибудь придумается.

Глава 4. Вот так встреча!

Фёдорыч, невысокий коренастый мужик с огромными ручищами, встретил Павла не то чтоб с удивлением – так, брови кустистые чуть приподнял. А вот по прочтении отцова послания взглянул уже с нескрываемым интересом.

– Хе, это ж чем ты так отличился, что посеред года из школы выгнали? Не хулиганистый как будто... Али политика? – в красноватых ниточках глазки пытливо просверлили Пашкину (вполне интеллигентную) личность и, когда он сдержанно кивнул, беспокойно забегали.

– Та-а-ак, удружил Зорин, чтоб ему...

Павел уже подхватил сумку и сделал движение к двери: «Ну, больше некуда – придётся на милость сестрицы...» – когда Фёдорыч заскрипел своим стариковским смешком.

– Да ты погодь, паря... Меньше знаешь – крепче спишь, так? А отец про твои подвиги никаких подробностей не сообщает. Завтра пристрою куда-нито, а сегодня, так и быть, пользуйся гостеприимством бобыля-работяги.

Фёдорыч одобрительно смотрел, как Павел выгружает из своего баула кой-какие съестные припасы: макароны, колбасу, консервы, чай...

– Ну, а насчёт «с прибытием» как же? – подмигнув, искося глянул хозяин. Павел развёл руками: в песковском проднаборе такого наименования не значилось.

– Не употребляешь, значит? – подытожил проницательный Фёдорыч. Павел выжал смущённую улыбку.

Михаила Фёдоровича Павел знал мало: отец свои взрослые-рабочие и личные дела решал без сыновнего присутствия. А летом, почти уже два года назад, когда Павел подрабатывал у отца на заводе, Фёдорыч отдыхал по путёвке на турбазе. После микроинфаркта.

На другой день Павла оформили на полставки токарем – бумажка из УПК лишней не оказалась – и выдали ордер на общежитие.

Подрезая на станке детали, Павел ловил на себе взгляды рабочих. Из-за шума было не разобрать, о чём они переговаривались между собой, о чём спрашивали Фёдорыча, который был мастером цеха.

В перерыв новоявленный токарь был представлен коллегам. Прямой взгляд, крепкое рукопожатие вызывали одобрительный гул. Рабочие поочередно называли себя.

– Олег, – последним представился широкоплечий здоровяк; он чуть прихрамывал при ходьбе. Стальной взгляд выражал хмурую настороженность, и вчерашний школяр почти не удивился, когда Олег задержал его руку и кивнул, отзывая в сторону.

– Пашка, айда в столовку, – панибратски кликнул рыжеволосый веснушчатый парень, с которым Павлу предстояло

делить общежитскую комнатёнку.

– Иди, Гошик, мы скоро! – издали отозвался Олег.

Они присели на ящики, дожидаясь, когда опустеет цех. «Олег, Олег», – мучительно вертелось в голове у Павла. С кем связано это имя? Стало жарко, когда прозвучала и фамилия. Ну конечно. Муж Светланы и брат Лили. Уф!

Как ни владел собою Павел, а выражения тревоги и досады, мельком появившиеся на его лице, Олег уловил вполне. И не спешил с вопросами, понимая ошеломление новичка и ожидая, пока соберётся с мыслями. Что Павел мог рассказать этому незнакомому, недоверчиво смотрящему на него человеку?

– Мне надо подумать, – прервавшимся голосом произнёс Павел и встал, машинально ударяя ладонью штаны мешковатой спецовки. Как бы поправляя стрелочки на отглаженных клёшах.

– До конца смены, – бросил ему вслед Олег и задумчиво засвистел какую-то незамысловатую мелодию.

Весь остаток дня Павел был сосредоточен. Пенять на судьбу, что столкнула с Гладковым в первый же день, смысла не имело. Как ни отгонял эти мысли, а думалось: однажды они случайно столкнутся. С сестрой или с Лилей. И, может, получился не худший вариант.

Врать не хотелось. Говорить правду – обречь себя на бесславное будущее. Без Лили... Оставалась полуправда. Хотя проницательный Олег вряд ли будет удовлетворён. Надо

очень постараться заслужить его доверие, иначе путь в дом Гладковых окажется закрыт.

В забегаловке недалеко от завода Олег и Павел забились в дальний уголок. Места были только стоячие, у высоких квадратных столиков на четыре персоны. В очереди Гладков подтолкнул парня вперёд себя, одобрительно крикнул, когда тот попросил к бутерброду минералку. Сам взял то же. Пить пришлось прямо из горла, чем явно недовольны были оба.

– Ну, поведай мне теперь, Павел Зорин, каким-таким образом оказался ты в марте месяце за тыщу вёрст от семьи, от школы и, так сказать, вне зоны действия контролирующих органов? И что-то мне подсказывает, что не случайно ты обозначился именно в нашем городе.

Едко ироничные слова Олега были неприятны. Но как бы сам Павел отнёсся к такому, с позволения сказать, родственнику, что свалился как снег на голову?

– Я оказался замешан в одну нелицеприятную историю с политической подоплёкой, грозящую скандальным резонансом в масштабах области, – без запинки оттарабанил Павел затверженную наизусть фразу.

Олег впечатлённо присвистнул.

– Лихо! А если поподробнее?

– Секретарь райкома партии велел мне под страхом «найду и уничтожу» забыть все подробности, – уверенно отпарировал Павел.

– Как жить-то будешь, недоучка? С волчьим билетом?

– Нет, тут у меня полный порядок. Только до лета продержаться тихо, а там...

– Что, досрочно отстрелялся?

Недоверчивость Олега пришлось добивать в общежитии, всеми имеющимися документами: аттестатом, паспортом с выпиской из «родного дома», удостоверением токаря низшего разряда. И значок ГТО, и грамоты с соревнований по фехтованию придирчиво рассмотрел Олег.

– К нам когда думаешь заявиться?

Павел вздохнул. Думал: пусть сначала всё утрясётся. А тут вдруг – всё кувырком.

– А ты как посоветуешь? – спросил подкупающе доброжелательно.

– Послушай, мальчик. Ни в жизнь не стал бы ни с кем так цацкаться, если б не Лилька, – жестковатое лицо мужчины неожиданно смягчилось, лишь только заговорил о сестре. – Даже из-за Светланы не стал бы. А эта дурочка так настрадалась по твоей милости. Башку бы оторвал мерзавцу! – замахнулся со зверским выражением, но не всерьёз.

Павел прикусил губы и болезненно сморщился. «За дело было бы оторвать мне башку, ох и за дело!»

– Да, а что ты собираешься сказать ей о своём внезапном появлении? Думаю, про политическую подоплёку – как-то чересчур...

Непонятно было, поверил ли сам Олег до конца в представленную версию, но что для его сестры это не подойдёт,

было очевидно.

– Просто соскучился и сдал экстерном экзамены, чтобы поскорей её увидеть, – осенило Павла.

– О, вот это для её романтической натуры то, что надо.

Олег прошествовал, наконец, на выход; у дверей обернулся:

– Значит, пара дней, чтобы прийти в себя. А потом – куда ж от тебя деться, прошу.

«Так хоть всё под контролем будет», – буркнул под нос.

Маячивший в коридоре Гошка смог, наконец, вернуться в свою каморку, откуда был бесцеремонно выдворен неожиданным набегом Олега Гладкова, мужика прямого и малость грубоватого.

Глава 5. От лета до лета

И была сумасшедшая встреча. И были Лилькины сияющие восторгом глаза и пунцовые щёки. И были Светланины искренние объятия и румяный домашний пирог. И была крошечная племяшка Оленька в розовом одеяльце с бантиком. На сдержанного в эмоциях Олега Павел старался не смотреть.

Непривычная, по-домашнему радушная обстановка расстрогала Павла необычайно. Ему было так тепло, так уютно в этом двухкомнатном гнёздышке, как никогда раньше в доме отца. При взгляде на Лилю ёкало в груди. Хорошенькая, с прошлого лета повзрослевшая, но всё равно – девочка с косами, его в чём-то наивная подружка. Как же значительно старше её казался себе Павел, и тем трепетнее становилось в душе воспоминаниям.

Они встречались в основном по выходным. Олег сразу высказался резко против поздних шатаний по улицам: Лиле надо учить уроки, да и Павлу неплохо бы подготовиться к институту, несмотря на все пятёрки. Чувствуя себя в душе виноватым, Павел старался не конфликтовать с Олегом. Тот и так – видно невооружённым глазом – был не в восторге от вновь приобретённого родственника, так что усугублять в любом случае не следовало.

Лиля навсегда запомнила это лето – укрывшее Пашкиными экзаменами и установочной сессией много светлых дней, но и подарившее такой тёплый август. И это осознание себя «почти взрослой девушкой» – рядом с таким высоким! красивым! полностью самостоятельным! и совсем-совсем «своим»! молодым человеком! И эта волнующая зябкость от его жгучих взглядов – когда само дразнится, и безотчётное кокетство толкает делать какие-то полуприличные вещи. И вроде бы совсем случайно соскальзывает с загорелого плечика тоненькая лямочка полупрозрачной майки. И юбочка невзначай задувается ветром чуть выше, чем дозволено. Но Павел иногда смотрит так, что – душа в пятки, и отчего-то стыдно. И Лилька тогда чувствует себя заигравшимся ребёнком, переступившим границу положенного. А в другой раз она с удивлением ловит на своём друге оценивающие взгляды встречных девушек. И даже женщин. И это так неприятно, что хочется спрятать Павла от них, хочется крикнуть им в лицо: «Не смейте! Он мой!» – и отчего-то опять стыдно. И непонятно: он **это** видит? И как к **этому** относится? И радостно: он – с ней! И, должно быть, **эти** ей завидуют. Ещё бы, такой галантный у неё кавалер: и руку вовремя подаст, и пиджачок на плечи, если прохладно, набросит, и мороженое купит, и даже платочком пылинку со лба ей смахнёт. Вот только целоваться ей страшно. Сразу голову вперёд наклоняет, и Павел тогда касается губами её лба или волос.

О, этот пьянящий запах юного тела... прикосновение волос... и дыхание – прямо у его груди, сквозь рубашку... У него темнеет в глазах, а простодушное дитя спрашивает – издевается? Или впрямь столь невинно?

– А почему у тебя так стучит сердце?

– Жарко, наверное, – сдерживая учащённое дыхание, отстраняется Павел...

А во сне он видел Магду. И тосковал по ней. И скрипел зубами. И разочарование уродовало лицо его, когда просыпался...

Рыжеволосый Гошка, сосед по комнате в общежитии, со смесью непонимания и уважения смотрел на двухчасовые Пашкины «зарядки». После махания гантельками весь торс покрывался сочащейся влагой. Павел на минуту садился на коврик и замирал, уронив голову на руки, восстанавливая дыхание. Потом бежал в душ.

– Паш, и на кой тебе так выматываться, не понимаю! – высказался как-то Гошка. – На заводе – ну тут хоть за деньги вкалываем, ладно... Или Гладкову потрафить хочешь? Слышал я, с сестрёнкой его у тебя шуры-муры? Как она вообще девчонка-то, ничего?

– Гоша, мы с тобой, конечно, приятели, но уж сделай одолжение, не суйся, дружок, в мою приватность, – в Пашкиных глазах сверкнули недобрые огоньки.

– Что, не даётся птичка в руки, – понимающе присвистнул Гошка – и едва успел увернуться от увесистого Пашки-

ного кулака. Дунул в сторону. – Что, чёрт чернорылый, правда глаза колет? Да ты не стесняйся, скажи, я тебе поговорчивей девку отрекомендую, без гантелей ухайдакает.

Неделю супился Пашка – да чего ж с рабочего класса взять? Щурится-заискивает, подойти боится, по чужим койкам ночует. Выловил на работе голубчика, велел возвращаться.

– Только больше, Гошка, язык свой длинный не распускай.

Однажды в знойный день занесло Лилю и Павла на пустой пляжик. «Какой интерес купаться там, где не продохнуть сквозь толпу?» – решили оба. И вот, в результате часовых скитаний, вышли на пустое место у берега.

Не пляжик даже, коса песчаная, метров десять в длину, в ширину полтора. Вокруг кусты, заросли травяные. Перед ними – бревно, полуприсыпанное песком. Ближе к воде – водоросли извялившиеся, с запутавшимися в них обломками ракушек. Лиля присела было, взяла на ладошку. Но спохватилась, одёрнула себя – взрослая вроде бы! – метнула ракушку в воду. С краешка бревна сдула пылинки, уселась, вытянув ноги и демонстративно натянув юбку на колени. Оглянулась на Павла: места на брёвнышке больше не было. Парень смотрел куда-то вдаль. Но едва Лиля отвернулась, он повёл сорванной травинкой по загорелой шейке, имитируя муху. Девушка задвигалась, замахала руками, прогоняя на-

зойливое насекомое... Но вот рука нащупала травинку, при-
творно-возмущённый взор вонзился в шутника.

– Пашка, ты прямо как в детском саду! – и бросила отобранную травинку ему в лицо. Не попала, засмеялась, вско-
чила:

– Давай лучше купаться!

Живо скинула майку, юбку, уже на бегу – босоножки. Павел с замиранием в груди смотрел, как постепенно исчезают в воде её стройные ножки. Едва волна коснулась купальника, Лиля гибко легла на воду и неспешно поплыла, наслаждаясь. Павел в мгновение ока разделся и кинулся в реку. Его брызги долетели до девушки. Она айкнула, оглянулась. Он стремительно приближался.

– Нет, нет, не подплывай!

Лиля отчего-то испугалась, хлебнула воды, закашлялась. Этого ещё не хватало! Павел резко изменил направление и медленно поплыл на спине, краем глаза наблюдая за подругой. Она нервно, сердитыми рывками плыла к берегу. Вышла, выжала косу. Пальцем ему погрозила: не смотри! И юркнула в траву. словно в прошлом году они не купались вместе! Он её, собственно, и плавать-то по-настоящему научил.

Лиля бродила в травяных зарослях. А когда вернулась к бревну, одетый Павел сидел на нём и в задумчивости водил палочкой по песку. Лиля приблизилась бесшумно, поэтому поспешное затирание надписи оказалось всё же запоздалым.

Тревожные серые глаза остро устремились на Павла:

– Магда – это кто?

– Собака. Пудель, – досадливо буркнул Павел, но его смущение не ускользнуло от Лили.

– И зачем ты тут пишешь о каком-то пуделе? – недоверчиво прищурилась она.

«А вот я сейчас скажу, кто это на самом деле, и что тогда, мисс Недотрога?» – с неожиданным раздражением подумал Павел. Чёрт дёрнул доверяться песку! Развспоминался!

Лиля помолчала, потопталась. Встала за его спиной, руками за виски взяла чёрную голову.

– Не поворачивайся, – зашелестел её шепоток совсем рядом, щекоча ухо, и у Павла поплыло перед глазами, и так невозможно было не повернуться, не стиснуть эти прохладные после воды плечики... Удержался. Больно сжал руками колени и удержался.

– Не смей никогда больше писать ничьих других имён, кроме моего!

Убрала руки и невпопад призналась:

– Мне иногда страшно, как ты смотришь...

Павел наклонил голову. Невольно тут о Магде вспомнишь. Если б не она, Лиля не казалась бы таким ребёнком. И как он должен себя вести? Подыгрывать? Соответствовать? И трудно, и гадко изображать из себя... И так мучительно – часто бывать с ней рядом на таких условиях. Не слепой ведь он и не древний! Успокоился всё же, поднялся,

с улыбкой – ласковой, как ей нравится! – взял Лилию за руку:
– Пойдём, темнеет уже.

Ей хотелось перехватить его взгляд – возникла какая-то недоговорённость, и это было отчего-то досадно. И то, что Павел ничего ей не ответил, беспокоило, елозило где-то внутри облысевшей мочалкой.

Довёл её до дома, подниматься не стал. Совершенно буднично попрощался:

– До завтра.

Растерянность и сожаление промелькнули в её глазах.

– Лиля, обещаю тебе, что больше никогда не стану писать ничьих имён, кроме твоего.

Кажется, Павел попал в «десятку». И то, что коснулся губами щеки, было встречено благодарным вздохом.

Трудно сказать, помогла ему сестра или наоборот, когда пресекла их с Лилей «бесполезные шатания», навязав в спутницы малютку-дочь. Оленька, спокойный уравновешенный ребёнок, обычно посапывала в коляске, с которой Лиля управлялась довольно умело. Павел старался держаться поодаль: слишком двусмысленная ситуация его смущала. Да и Олег подлил масла в огонь, с каким-то пошловатым подмигиванием кивнув на коляску:

– Поаккуратнее с драндулетом, глядишь, и вам он ещё пригодится.

Лиля откровенно потешалась над шепетильностью Пав-

ла: вряд ли кто-то мог заподозрить в ней, тоненькой юной девочке, мать спящего в коляске довольно упитанного младенца. И всё-таки Павел чувствовал себя на таких прогулках не в своей тарелке. К тому же, он не уставал удивляться по-друге – наблюдая, как Лиля поправляет сбившийся чепчик или как крепко, но бережно прижимает к себе племянницу, когда он заносит коляску в подъезд. «Очевидно, умение обращаться с детьми в каждой заложено от природы».

Изменившийся характер прогулок, однако, сослужил Павлу и добрую службу: ситуаций, подобных той, на пляже, больше не возникало. Он мог любоваться Лилей, не приближаясь к черте, переступить которую было бы проще, чем не переступить...

А во сне он видел Магду. И душой рвался в далёкую и недоступную Германию...

...Где осенью родилась черноглазая девочка. Чему очень радовалась её мама, и совсем не радовались новоиспечённые бабушка и дедушка, добропорядочные старорежимные бюргеры. Но поскольку дочь у них была единственная, а лет им было давно за полста, то с появлением «незаконной» внучки пришлось всё же смириться. К тому же, в их роду было столько разных кровей, что почему бы не добавиться и русской?

А ни о чём не подозревающий Павел вкалывал на заводе. И видеться с Лилей с наступлением осени приходи-

лось довольно редко: его посменная работа накладывалась на её уроки. В субботу вечером, как правило, разгребались завалы: Павел натаскивал подружку-гуманитария в точных науках. Его лаконичные и чёткие объяснения, которые даже Олег воспринимал с воодушевлением, на Лилию нагоняли сон.

– Как можно разобраться во всей этой тарабарщине, не понимаю, – капризно тянула она.

– Но это же – вот, вот и вот, – горячился Павел, рисуя свои непонятные значки и формулы.

– Не все же такие вундеркинды, как ты, – ехидничала девчонка и смотрела вызывающе-завистливо. Непонятно, когда Павел всё успевал, но контрольные в институт относил всегда раньше срока. Как не развиться комплексу неполноценности!

– Да разберёшься, это ты сегодня просто переутомилась, – примиряющее говорил Павел и предлагал «проветрить мозги». И поникшая от занятий Лиля на глазах оживала, становясь собой – шаловливой кокеткой. Её толстая русая коса начинала мелькать то тут, то там: процесс сборов был стремителен. Павел с удовольствием следил за ней, млея от чисто случайных прикосновений.

Эта огромная, кажущаяся непреодолимой преграда – выпускные экзамены! – какой враг рода людского выдумал их? И что за утончённое изуверство – готовиться к ним и сдавать

в самые прекрасные дни года, когда всё расцветает, благоухает и жаждет! И даже такие поздние цветочки, как Лилька, начинают потихоньку пробуждаться. Ей уже нравится брать Павла под руку. И во взгляде проскальзывает что-то новое. И Олег неспроста выговаривает ей что-то недовольным тоном, замолкая при появлении Павла. И – «хороша, чёрт возьми!» – слышит вдруг парень однажды вслед своей подруге из уст подвыпившего мужичка, который откровенно любит её. А плутовка хитро прищуривается и звонко хохочет, запрокинув головку, когда слышит об этом отзыве. И вскипает кровь от кажущейся насмешки. И от ревности. И от любви.

– Ты похож сейчас на безумца, – тихо говорит Лиля, внезапно обрывая смех.

Павел берёт её косу и оборачивает вокруг своей шеи.

– Я повешусь, если ты не перестанешь улыбаться каждому встречному, – обещает он. Лиля отнимает косу:

– Только попробуй! – задиристо кричит. – Только попробуй! Я тогда, эгоист ты несчастный, непременно завалюсь на физике, не говоря уже про алгебру.

И опять непонятно: как к этому относиться? Чего она ждёт от него? Какой реакции? Когда ёрничает, а когда искренняя?

Добросовестно, по многу часов в день корпела над книгами перед каждым экзаменом: хотелось доказать «мистеру Всезнайке», что и она не лыком шита. И эксплуатировала

Павла нещадно, требовала, чтоб сразу после работы приходил консультировать. А он, после утренней смены, начинавшейся в шесть, был голодным и чумазым выжатым лимоном, и язык заплетался, и глаза были красные от недосыпа: накануне в половине двенадцатого отпустила его беспощадная Лилька. Светлана охала и качала головой, подсовывая тарелку с едой брату под нос, прямо на разложенные тетради. Лиля с возмущением их отодвигала и нетерпеливо смотрела на жующего Павла, ожидая ответа на мучающий её в данный момент вопрос из квантовой физики. И Павел отвечал, с трудом ворочая непослушным языком и едва удерживая тяжёлые веки. И опять только поздним вечером удавалось избавиться от назойливой мучительницы. Это когда он уже в полусне неразборчиво бормотал Лильке лекцию, не реагируя на вновь заданные вопросы.

Но по привычке ли, по чьему-то злomu умыслу, а не поставили выпускнице по ненавистным предметам вожелённой «четвёрки». Разгневанная, сразу из школы понеслась Лилька на берег. Ветрено было, река бушевала, кидалась брызгами. И Лилька бушевала, в тон ветру выкрикивая самые «страшные ругательства».

Павел нашёл её не сразу. Она, разлохмаченная, обрызганная свирепой волной, не менее свирепо глянула исподлобья.

– Да! Вот такая я бестолковая тупица! – бросила ему в лицо.

– Ну и что! Я люблю и такую!

Ей послышалось? Павел специально не очень громко произнёс. Но её внимание отвлекла бумажка, которой помахал парень.

– Это повестка! У нас осталось всего несколько дней.

Что за повестка?! О чём он?

Павел подошёл вплотную, на ухо ей объяснил – порывы ветра усиливались, волны били о берег всё оглушительнее.

– Я ухожу в армию.

И школа провалилась в тартарары, и этот ненастный берег. Лилька всхлипнула и бросилась Павлу на шею. Её тонкие цепкие руки, которые оказались неожиданно сильными, обнимали так отчаянно, так крепко. Всё её упругое гибкое тело, до последней, казалось, косточки, впервые так явственно им ощущалось... Ветер больно хлестал её мокрым подолом по их ногам, трепал за волосы, швырялся каплями и твёрдыми песчаными крошками.

В Лилькиных полузакрытых глазах Павел заметил томную поволоку и нерешительно тронул её губы. Она не отстранилась...

Весть о скорой разлуке разбудила её либидо? Или испугалась, что так и останется нецелованной – неизвестно, сколь долго? Или не хотела запомниться Павлу закомплексованной недотрогой?

Тысячи труб победно гудели в его ушах: свершилось! Желанен! И сладко замирало в груди – в предвкушении... И чувствовал, как податливо тает в его объятьях опьянённая

поцелуями милая мучительница... И он, конечно, откроет для неё тот ни с чем не сравнимый мир, который ему пришлось однажды покинуть – не по своей воле...

Но что за мерзкая булавка пытается уколоть Павла всё это время? Какая навязчиво колючая мысль пробивается сквозь радужные? Продралась, негодная. Растопырилась, загородила собою путь к блаженству. Нет, не может он поступить так, как поступили с ним – показав, подразнив, отобрав. Слишком хорошо помнится Павлу та безысходность, та вселенская пустота, что обрушилась на него после отъезда Магды. Даже о самоубийстве как-то задумывался – он, стойкий к жизненным невзгодам. Не подло ли кидать в эту пропасть не подозревающую о подвохе доверчивую девчонку?.. А он перетерпит. Пересилит себя и в этот раз.

Он целует её глубоко – «по-взрослому», нежно касается пальцами пылающих щёк. Телепатически почти слышит звуки желания и страха, рвущиеся из её души. Отрывается и шепчет в самое ухо:

– А дальше – после свадьбы.

Лиля склоняет голову ему на плечо. Он перебирает спутавшиеся волосы... И оба только сейчас замечают, что успокоился ветер и их обступили со всех сторон поздние сумерки.

Переглядываются с растерянными улыбками – точно очнувшись от наваждения. Медленно возвращаются, обнявшись...

Облачко набегает на лоб девушки.

– Покажи повестку, – просит она и считает по пальцам оставшиеся дни. Делает недовольную гримаску. Искоса, с за- таившейся хитринкой взглядывает вдруг на Павла.

– А что ты сказал перед этим?

Парень, ясное дело, изображает полное непонимание.

– Да это ветер шумно дул, тебе послышалось, – неискрен- не отпирается он. Но его насмешливые глаза!

Лилька бодается виском и хихикает:

– Врёшь! Всё ты врёшь!

– Конечно, вру, – шепчет Павел, целуя её в подъезде... Ку- да так некстати вошёл Олег. Лиля ойкнула и сбежала – вверх по лестнице, домой. Мужчины остались одни. Олег неодоб- рительно крикнул, не отрывая взгляда от носков своих боти- нок.

– Скоро в армию, – показал Павел повестку.

– Тем более, – буркнул Олег. Его неприветливые стальные глаза буравчиками упёрлись в чёрные спокойные глаза Пав- ла. Который на невысказанный вопрос покачал головой:

– Нет.

– Что «нет»? – хорошо поняв, всё-таки ещё утяжелил свой взгляд Олег. Его дальний родственник – по линии жены – метнул из-под бровей гневную молнию.

– Я не сделал с твоей сестрой то, что ты сделал с мо- ей, – ровно, с расстановкой произнёс «нагловатый юнец», как в тот момент про себя окрестил его визави. Уверен-

ной неспешной поступью правого Павел прошагал к выходу. Олег проводил его высокую спортивную фигуру почти неприязненным взглядом – слишком независим, слишком горд... Но ведь и серьёзен, трудолюбив, ответственен. И понятно, почему девчонки типа Лильки сохнут по таким. Понятно, а неприятно, чёрт возьми! И как хорошо, что светленькая мягкая Светлана ничем не похожа на своего несгибаемого братца.

Глава 6. Шалят...

Лиля проводила своего солдата горячими слезами. Олегу даже пришло на ум: «Как по покойнику убивается». Не выпавшее бледное личико казалось повзрослевшим, точно за последние сутки вчерашней школьнице пришлось много пережить. Но нет, всего лишь сидели, тесно прижавшись, в её комнате: Олег не отпустил «на волю», сам за ночь тоже глаз не сомкнул. Отчётливо слышны были в тишине его беспокойные шаги. Ушёл, правда, рано, в утреннюю смену на завод. Перед этим вызвал Павла в коридор.

– Смотри мне! Башку отверну!

– На молоке обжётся, теперь на воду дуешь, – устало отозвался тот. Не было в «черноглазом нахале» ни гонора, ни выправки, ни бравады превосходством. Олег понял: и этот весь исстрадался. Скорей бы уж покончить с вымотавшей всех мелодрамой. И выскользнули из памяти первые дни собственной службы – шесть лет назад. «Вот уж там всю дурь из тебя повыбьют!» Но беззлобно подумал, с сочувствием даже.

– Ты, Пашка, зла на меня не держи. Лилька – она ж такая... Сам знаешь, короче. А тебе выдержать желаю, чтоб не сломали там. Таким, как ты, там хуже всего приходится. Да... Ну, бывай, браток! – протянул широкую мозолистую ладонь, которую Павел с чувством сжал. И на этот раз не бы-

ли похожи на скрестившиеся клинки их взгляды.

Отрыдав положенное, Лиля с головой ушла в домашние дела. Конечно, Светлане только в радость была круглосуточная помощница. Но как же тяжело выносить рядом присутствие вечно угрюмого человека!

– Лиля, а куда ты собираешься пристроиться? Школа-то тью-тью, а тунеядцы и нахлебники в нашей стране не одобряются, – с наигранной весёлостью произнёс Олег как-то за ужином. Девушка откликнулась сразу, очевидно, эта тема была обдумана:

– Да в культпросветучилище пойду, на библиотекаря. Там вроде бы точные науки не сдают.

– И будешь всю жизнь, как...

– И буду всю жизнь, как! – нервно перебила брата Лиля и выскочила из-за стола.

– Что я такого сказал? – воззрился Олег на жену.

– Письма ещё не было, она вся на нервах. Не трогай её пока, Олежек, это понемножку пройдёт, – Светлана мягкими пальцами коснулась руки любимого мужчины – и тоже поинтересовалась:

– Да, а что ты имеешь против библиотекарей? Тихо, спокойно, с книжками... Лучше уж с книжками, чем с капризными больными, по-моему.

– Чего ж сама в медики пошла?

– Так не подумавши! – рассмеялась Светлана. А потом призналась:

– Не больно я до книжек-то, это Павлик и за меня, и за себя. Да и сестричка твоя – книжная мечтательница.

Олег, расслабившись было от смеха жены, вновь напрягся.

– Это даже я со школы помню. «Что за комиссия, создатель, быть взрослой дочери отцом!»

– Ой, не скоро ещё, не скоро, – возразила Светлана.

– Ну, старшим братом, хрен редьки не слаще. Всё-то у неё проблемы на ровном месте, всё переживания...

– «У неё, у неё»... А мы с Олей, значит, не входим в круг твоего внимания... А у нас, значит, ни проблем, ни переживаний нет, – неожиданная обида прорывается в слова Светланы.

– Светочка, я...

Махнула рукой, наклонила голову, к мойке отошла с грязной посудой. Олег бросил недоеденный кусок и всем корпусом развернулся к равнодушной спине жены. Стул под ним недовольно хрипнул. Ох и морока с этими женщинами! Никогда спокойно не поешь. Чего вот сейчас надулась? Олег пошарил руками о штаны – с детства привычка осталась – и к жене:

– Я охламон, паршивец, шантрапа! Сволочь, наконец! Не молчи только.

Соизволила повернуть красное лицо. Плачет? Может, дурак, но понять логику женских поступков порой просто

невозможно. Тихо и потерянно:

– Све-ет... – и в щёчку.

Что она там бормочет?

– Конечно, я сижу дома... у меня уже и вид не такой приятный... и кожа после родов... и фигура...

Господи, что за чушь она несёт?!

Олег решительно разворачивает свою 19-летнюю жену – от этих вечных кастрюль, которые кого угодно состарят. Отбирает недомытую тарелку.

– Тебе же всё время некогда, я и не знал, что... А я ведь не желторотый жеребец, могу управлять своими эмоциями.

– Зачем? Я хочу чувствовать... твои эмоции. Потом, отрицательные же ты не скрываешь.

– И что, я десять раз на дню должен говорить, что люблю тебя? – усмехается Олег.

– Можно и больше, если хочешь.

Он улыбается.

– А если я... стесняюсь?

Теперь улыбается Светлана.

– Ну уж! – сомневается.

А Олег вдруг по-настоящему краснеет, как мальчишка. И прячет лицо у неё за спиной, привлекая к себе. Заслоняясь ей же от неё.

– А я на самом деле стесняюсь. И до сих пор не верю, что ты – моя... И боюсь тебе показаться назойливым...

И это говорит внезапно охрипшим прерывистым голосом

её 24-летний супруг, высокий коренастый мужчина с грубоватым и не всегда бритым лицом, с манерами всегда уверенного в себе человека!

Светлана счастливо смеётся.

– Глупый какой! – снисходительно-нежно произносит она и обвивает его могучую шею. Быстрой горячей ручкой ныряет за вытянутый ворот его футболки...

– И ты, правда, не оттолкнешь и не стукнешь мне по рукам?

– Глупый какой! – повторяет Светлана; в её интимном шёпоте столько всяких оттенков. А уж эти шаловливые женские пальчики...

...Лиля, до которой из кухни долетали отдельные слова, уловила, что супруги, вроде бы, стали выяснять отношения. И, не дожидаясь дальнейшего развития событий, подхватила возившуюся с игрушками племяшку и выскочила на улицу, «подышать перед сном». Вся дёрганая от разлуки с Павлом, меньше всего хотела сейчас быть вовлечённой в какие-то посторонние недоразумения.

Когда Лиля вернулась – спустя часа полтора, должно быть, – в комнатах по-прежнему было пусто: мелькомглянула в открытые двери обеих. И свет почему-то не горел. И подозрительно тихо было за кухонной дверью. Оленька вырвалась из рук тётки и громко затопала по коридору новыми твёрдыми сандаличками: она не любила закрытых дверей. Удар крепким кулачком наотмашь – и вскрикнувшая мама

поспешно прячется, путаясь в домашнем халате, а у папы такой вид! Лиля, точно окаченная кипятком, хватает ребёнка, не позволяя дольше рассматривать сконфузившихся родителей.

– Пойдём, Оля, баиньки пора. Тебе песенку спою, тебе сказку расскажу...

В её напевном речитативе слышится снисходительное ехидство. За вновь захлопнутой кухонной дверью раздаётся явственно сдавленный залп хохота: молодые люди уже оценили комичность ситуации.

– Скоро ночь, – улыбается Олег жене, домывая последнюю тарелку. Она неодобрительно качает головой, скрываясь в ванной:

– У меня ещё целый воз белья!

Лиля сжимает руками виски и силится не заплакать.

Назавтра Олег пришёл с работы весёлый.

– Пляши! – помахал у сестры перед носом заветным конвертом. Наскоро отбившись от него, Лиля шмыгнула в свою комнату и так хлопнула дверью, что родители Оленьки переглянулись.

Какие нежные написал ей Павел слова! Как осторожно и трогательно, хотя и не совсем понятно, отзывался о её стихах, которые пихнула ему в карман уже на вокзале. (Это ещё те, о которых упоминала как-то в «сибирском письме»). «... Удивлён, восхищён... А в общем, и выразить не могу, что

чувствую к тебе, прочитав **это...** Представить не мог, как серьёзно, страшно и оглушительно отзовётся в тебе тот август. Я многое понимаю теперь. Лишь теперь... Жаль, что не прочёл сразу, как сочинила. Моя травинка-былинка, ты даже не представляешь, насколько это важно... Прости, что недооценил тебя тогда, за всё прости, моя милая девочка. Ближе и дороже тебя у меня нет никого...»

Глава 7. Будни

В культпросветучилище Лиля поступила на удивление легко. И экзамены на этот раз сдавала без мандража. Всё-таки расставание с Павлом сказалось на её характере. Не хотелось больше быть ни кокетливой, ни привлекательной. И мимолётные взгляды незнакомых парней, которые так бесили Павла, она отмечала теперь вполне равнодушно.

После занятий Лиля, как и прежде, безвылазно сидела дома. Светлана с её приходом тут же убегала: она прилагала героические усилия к тому, чтобы окончить медучилище, которое из-за рождения дочери пришлось временно оставить. Ребёнок в полтора года никому скучать не даст, а потому дни для молоденькой тётки пролетали незаметно. Когда же выдавалась свободная минутка, Лиля перебирала книги и тетради Павла – он перед отъездом по её просьбе принёс их из общаги. «Ты мало ведь что поймёшь в моих каракулях». – «Это неважно, я буду представлять, как ты это всё писал, как читал эти книги... и ты будешь как будто со мной...»

И вот теперь она не столько читала, сколько всматривалась в знакомый угловатый почерк, гадая: а здесь из-за чего дрогнула его рука, а тут почему хвостик у буквы чуть оборван. Его книги – большей частью специальные, по психологии, – сначала казались ей скукотищей смертной, но вот какой-то смешной термин заинтересовал, какая-то ситуа-

ция, рассмотренная в статье, показалась знакомой. А иногда приходили в голову забавные комментарии к прочитанному. В письмах делилась этим с Павлом. «Мне приятно, что ты размышляешь», – признавался он и хвалил за неожиданные выводы и интересные ассоциации. Многого в письмах не расскажешь, но мысленно Лиля беседовала с Павлом постоянно, а это приучало мозг к рефлексии, к анализу самых разных повседневных мелочей.

В Олеге, как бы со стороны, Лиля видела теперь «классического домовитого хозяина», который «всегда доволен сам собой, своим обедом и женой»: недели не проходило, чтоб не смастерил какую-нибудь полочку или подставочку, не приобрёл по случаю вещи, нужной в хозяйстве. А Светлану порой шутливо корил за мелкие бытовые огрехи. «Вот наступит ночь...» – многозначительно угрожала тогда молодая жена. И Олег почти серьёзно торопился загладить досадный промах, рассыпаясь в многочисленных извинениях. И Лиле приходило на ум выражение «она из него верёвки вьёт». Но если это и было действительно так, Олег выглядел вполне довольным своим «рабством». Впрочем, банальным подкаблучником он определённо не был... С некоторых пор Олегу и Светлане почему-то перестало хватать ночи, и Лиля время от времени заставляла их целующимися. Это и смущало, и сердило: словно в насмешку над ней! И с досадой припоминались братнины нотации: почему ревниво контролировал их с Павлом? Светлана только двумя годами стар-

ше Лили. «Эгоист! Собственник!» – негодовала про себя. И однажды терпение её лопнуло. Мясась, подбирала слова, но всё же высказала Светлане своё намерение:

– Знаешь, я хочу перейти в общежитие.

– С чего это вдруг? – подняла брови Светлана. Она в тот момент разделывала курицу и замерла с ножом в руке. Лиля, опустив голову, продолжала тятать в корытце капусту.

– Захотелось вольной жизни? Устала быть нянькой и домработницей? – напряжённо допытывалась Светлана. Этот неожиданный шаг подросток девочки был семье сейчас совсем некстати. Да и Павел – понравилось бы ему?.. Лиля редко откровенничает. Это раньше, до появления Павла, они были близкими подругами. Тогда Светлана только перешла жить к Gladковым, и неожиданно выяснилось, кто такой «таинственный принц», причина слёз и горя. И кому, как не его сестре, было можно принести все свои сомнения, и расспросить о нём всё, и решение написать ему первой тоже сначала одобрилось Светланой. А потом «принц» объявился собственной персоной, и уже только с ним говорила Лиля обо всём. А те моменты, что её смущали, предпочла не обсуждать ни с кем. Вероятно, слишком сблизилась Светлана с мужем, и Лиля интуитивно полагала, что Олег, недолюбливающий Павла, может от неё узнать какие-то слишком интимные вещи. По совести, и не стремилась Светлана лезть в чужую душу. Сейчас только осознала, как это вообще выглядит со стороны: они с Олегом беззастенчиво пользуются без-

отказной помощницей, купаясь в своей любви практически на виду у внешне невозмутимой страдальицы. Конечно, страдальицы: как бы выжила Светлана, окажись Олег за тыщу вёрст от неё? И кто решил, что Лиля и Павел любят друг друга меньше?..

– У вас семья, а я будто соглядатай какой-то, – выдавливает между тем Лилия свою причину.

Светлана отложила нож, сполоснула руки и обняла, подойдя, «сгорающего от стыда ребёнка».

– Давно бы мне пора понять, что негоже дразнить голодного, – произнесла с искренним вздохом. И покаялась: – Все счастливые, видать, ужасные эгоисты... Ты не переживай, я обязательно поговорю с Олегом. А вот, кстати, и он! – выскочила в коридор на звук распахнувшейся двери.

Олег, оказывается, кое-что слышал.

– Кто это тут меня поминает всеу? – его басок, глуховатый с морозца, прозвучал раскатисто и весело.

– Да ты разденься сначала, – уклоняясь от его пышущей уличным холодом «аляски», говорила жена.

И он раздевался и разувался – широкими размашистыми жестами, занимая собой почти всю тесную прихожую и заполняя ядрёным морозным духом всё больше пространства. Неистребимые технические флюиды витали тоже. Светлана привычно обняла мужа за могучую шею. Он смачно поцеловал её холодными обветренными губами.

– Так о чём же шла речь? – снова спросил.

– Ой! – Светлана отскочила, будто укололась.

– Эх, я! Вернее – эх, мы! Совсем мы с тобою, Олежек, о сестрёнке твоей не думаем. А она таким пренебрежением, оказывается, обижена.

– Да ну? – опешил мужчина.

– Собирается бросить нас на произвол судьбы.

– Погоди-погоди, это как? – Олег уже не на шутку встревожился.

– Переберусь, говорит, в общежитие, а то у вас семья, мешаю...

– Та-ак, – с нажимом протянул Олег, уясняя главное. – И чем же – «мешаю»?

Светлана кинула быстрый взгляд в направлении кухни. Где наверняка внимательно вслушивалась в их разговор виновница переполоха.

– Вспомни, сколько раз она нас заставляла, – зашептала мужу, – ей же это...

Олег басовито расхохотался. Светлана невольно отвлеклась, окинула одобрительным взглядом его коренастую фигуру. Широкие плечи, утяжелённые вдобавок объёмным свитером добротной ручной вязки – успела-таки к празднику! Крупный подбородок, за день заметно покрывшийся щетиной. Стального цвета глаза, такие мужественные и добрые. Сейчас в них мелькает беспокойство. Светлана невольно вспоминает взгляд отца – колючий, вечно недовольный и хмурый, от него хотелось вобрать голову в плечи и за-

крыться руками. «Как мне повезло», – подумала в который уж раз. И отметила ещё любящим взглядом: снова тяжело-вато ступает на повреждённую ногу, сказывается двухгодичной давности травма, надо опять купить мазь... Но вернулась, опомнившись, к животрепещущей теме. Проговорила быстрым шёпотом:

– Правда, Олег, давай оставим всё это для ночи.

– Значит, сестрёнку завидки берут... А ты помнишь ли, дорогая, с чего началось?

Светлане и так уже пришло воспоминание о летней раз-молвке в кухне, так неожиданно завершившейся близостью. Пожала со вздохом плечами:

– Ну, значит, это я виновата...

– И полностью раскаиваешься? – отчего-то серьёзно, как прокурор, спросил муж.

Светлана зыркнула из-под ресниц недоверчивым взглядом, заметила нечто ей одной понятное в суровом лице Олега и заносчиво выпалила:

– Вот уж нет!

Олег, довольный, засмеялся. И тут только заметил дочь:

– А это что ещё за зрительница?

Оля уже давненько стояла на пороге, тараша заспанные глазёнки на родителей. Поняв, что папка обращается, наконец, к ней, сипловато осведомилась:

– Бульку дась?

– Вот эта дама не застесняется при любой погоде, – одоб-

рительно сказал отец, доставая из кармана изюмный рогалик – любимое лакомство дочки. Порвал пакетик, вынул.

– На, держи.

Олины глазки тут же прояснились, пухленькие пальчики – все десять – вцепились в булку. Когда Светлана спохватилась:

– А «спасибо» где? – ротик девочки был набит столь плотно, что пришлось ограничиться примитивной нотацией.

А Олег во время «воспитательного момента» уже прошёл в кухню. Лиля неподвижно стояла к нему спиной у тёмно-синего окна, в котором ярким пятном отражалась люстра, и смотрела на неясные тени и силуэты вечерней зимней улицы. Брат осторожно развернул её за плечи. С выражением грустной ласковости заглянул в потупленные глаза.

– Ну же, сестрёночка, встряхнись. Вот увидишь, всё будет хорошо. И нас прости, мы больше так не будем.

Застывшее личико не отозвалось на шутку. Олегу стало как-то не по себе. «Права Светлана, совсем о девчонке не думаем». Прижал к широкой груди родного, несчастного сейчас человека. Погладил по щеке. Пальцы стали мокрыми...

Глава 8. В армии

Служилось Павлу, как и предрекал Олег, очень нелегко. Особенно первые месяцы. Здесь его «учённость» была огромным минусом. Плюсом – физическая подготовленность и «стойкость оловянного солдатика». Не раз, хрипло дыша, утирался рукавом, размазывая и сплёвывая «томатный сок», которым вволю «поили» «салаг». И за горящий ненавистью взгляд исподлобья ему «добавляли» чаще, чем другим. Молчаливый, наученный жизнью быть равнодушным, пожилой фельдшер сам отыскивал и порой приволакивал на себе в «лазарет» постоянного «клиента». Знала бы Лиля, отчего так странно выглядят получаемые ею послания... Неровность почерка списывала на нехватку времени и усталость. Как и путаные порой фразы. Но почему листы всегда какие-то помятые? – Да потому что ночью, почти без света писал, урывками, а потом прятал – то в сапог, то под рубаху, чтоб не испоганились чужим – ни глазом, ни рукой, ни понятием. Вот почему Лиле всегда казалось, что письма пахнут Павлом. И при чтении всегда звучал его голос – он говорил с ней, и улыбался, и даже, кажется, прикасался дыханием к щеке...

Но время шло, и проверки на прочность становились всё реже. Затянулись кровавые шрамы на губах. Сошли бессчётные синяки и царапины. Прекратилась тупая боль то в од-

ном, то в другом боку. До серьёзных увечий, слава Богу, дело не дошло. И зашитый рубец на тыльной стороне руки выше локтя побелел. Значит, перекрестившись (вспомнил с усмешкой, как крестила его Магда), можно жить дальше. Миновала участь отчаявшегося дезертира: несколько недавних случаев были на слуху. И как всё это было перенести без Лили, она приходила во сне утешительницей и внимательно склонялась рядом с ним над книгою в редкие часы библиотечного уединения. Воспоминания о летних, казавшихся теперь безоблачными, днях были слаще любого компота. Они заливали солнечным светом и непереносимое. И прощание с Олегом – неожиданно тёплое, с пророческим напутствием, – уже не казалось каким-то неестественным. Помогли Павлу выжить и книги: осваивал в личное время программу второго курса института. Скучные научные термины на фоне круглосуточного мата воспринимались откровением свыше.

Зимой, когда вроде бы всё успокоилось и вошло в колею, когда Павел приноровился к течению новой, но уже терпимой подневольной жизни, вдруг возникло неожиданное беспокойство, быстро переросшее в серьёзную тревогу: перестали приходить письма. Точнее, продолжала писать только сестра, как и раньше, изредка. Настойчиво требовал объяснить, что произошло. Терялся в догадках и изнывал от какого-то ужасного предчувствия. Светлана сдержанно обмолвилась, наконец: Лилия больна. Без подробностей. На бумаге,

как присмотрелся Павел, были шероховатые разводы – такие обычно остаются после высохших капель. Что он должен был подумать? Если сестра ответила правдиво – что это за неслышанная болезнь, которая не позволяет нацарапать хоть пару строк? Перелом руки, заразная инфекционная с госпитализацией – стоит ли скрывать, неужели нельзя конкретизировать хоть самую малость, ясно же, что он с ума сойдёт от этих зловещих умалчиваний и собственных домыслов. Если же ему лгут... Может, его ненаглядная выскочила замуж? Умчалась в неизвестном направлении неизвестно с кем из-под бдительной опеки брата? И боится, не хочет, не считает нужным поставить его о том в известность? Но неужели это похоже на Лилию? И разве Светлане не проще без лукавства: «больна» – чтобы скрыть «изменила»? Что лучше? Но ведь он потом сестре не простит, если обманула – неважно, с какой целью. И рано или поздно Павел всё узнает.

Спрашивать больше не стал: бесполезно. Наглухо замкнулся в своём горе. И только с холодным бешенством молотил в спортзале, не разбирая, когда – грушу, когда – соперника. Во время занятий по рукопашному бою забывался так, что не чувствовал боли, не реагировал на команду «отставить!» И отчаянно лупил по мишеням – нелепым пугалам – безостановочно, расходуя весь запас смертоносных птичек. «Деды» шарахались от его немигающих глаз.

Вспомнилось как-то: а ведь ноющее предчувствие появилось у него за некоторое время до... Вскоре после того, как

прочёл Лилину открытку с днём рождения.

Была ночная учебная тревога – грохот, стрельба, топот, сумятица, спешка. Завывание сирен, крики команд, разъярённая ругань. А перед этим ему снилось – долго и мучительно припоминал теперь – нечто ужасное.

Белая-белая дверь. Белый пустой потолок. Резкий пронзающий свет – непонятно, откуда. Белая пустая постель. Пустая ли? Видно уже, что нет. Белое лицо. Страшные серые губы. Пепельная прядь волос – **её волос**... Белые тонкие трубки скрываются под одеялом, опутывая. И вдруг – кровь! Фонтанами, брызгами, целыми реками – на эту жуткую белизну... Четыре грязно-серые, с размытыми очертаниями, фигуры. Их ломающиеся резкие движения. Их смрадный дух. И мгновенно возникшее, почти звериное желание – раздавить, растерзать, уничтожить!..

Глава 9. Что с ней?

Павел не стал сообщать о своём отпуске. Пусть всё останется в истинном виде. Пусть он увидит своими глазами. Застав врасплох, проще будет узнать правду. Этот день он так долго ждал. «На похороны бы меня вызвали...» Всё другое кажется поправимым. Даже если появился некто – он должен узнать, посмотреть обоим в глаза. Мучительнее неизвестности – что?

На звонок в прихожую выскочила заметно подросшая Оленька. Павел присел перед ней, огладил оборочки на платье, носик пальцем прижал: «Пип!» А больше от волнения произнести ничего не смог – молча шоколадину в ручонки сунул. «Спасибо!» – громко и чисто молвило дитя и одарило дядю лучистой Светланиной улыбкой. Он провёл ладонью по её льняным растрепавшимся волосёнкам. И посмотрел на Олега, который подозрительно долго возился с дверью, запирая. Муж Светланы будто стал меньше ростом. Глубоко запавшие убегающие глаза, нездорового оттенка лицо, заметные морщины на лбу... Несвежая рубаха с небрежно закатанными рукавами... Пьёт он, что ли?!

Олег, всё так же избегая взгляда Павла, молча стиснул его руку: крепись! Подтолкнул в кухню, закрыв дверь в комнату, куда юркнула шуршащая фольгой дочь. Тяжело опустился на табурет, кивнув на другой неожиданному гостю. Солдат

невольно огляделся. Прошёл всего год, но это помещение, где не раз весело пили чай с бубликами, это помещение кажется ему незнакомым. По какой-то запустелости. По давно остывшей плите. И эти бытовые мелочи – вроде засохшего цветка в горшке, покосившейся дверцы шкафчика, сбившегося половичка, крошек у детского стульчика... Эти легко поправимые мелочи любому дадут понять: беда в доме, не до уюта. И эта муха, зудящая тоскливо на одной ноте и обречённо бьющаяся о стекло, так вписывается в общий контекст...

Молчать, сидя напротив подавленного Олега, было невыносимо. Павел заговорил сам.

– Где-то в начале февраля, – Олег заметно вздрогнул, – нас подняли по тревоге. А перед этим я видел сон...

Олег слушал, закрыв лицо руками, и выдохнул, наконец, из-под них:

– Её изнасиловали. Мою маленькую девочку – четверо... А потом она пыталась отравиться.

Павел оглушено молчал, не смея понять смысл произнесённого. Растекавшаяся изнутри лава душила. С хриплым горловым звуком он дёрнул тесный ворот – так, что отлетела крепкая пуговица. Сдавленно просипел:

– Она жива?

Сердце сжалось в тяжёлую пульку и стремительно падало вниз. Сжатые до боли кулаки побелели. Олег... неопределённо пожал плечами, ответил невнятно:

– Она в психиатрической лечебнице.

Убрал руки с лица и страшно глянул на Павла.

– Теперь это кукла, понимаешь? Кукла, одна искалеченная оболочка.

Павел долго сидел, уставившись в тусклую крышку стола... Потом уронил на неё чёрную голову и разрыдался.

Глава 10. Наперекор судьбе

В лечебнице Павел говорил сначала с главврачом.

– Видите ли, молодой человек, все эти пограничные состояния не до конца ещё изучены. У кого-то наблюдается положительная динамика, а с кем-то традиционными методами – увы!.. Что можем, мы делаем: общая успокаивающая терапия, оздоровительные мероприятия... А вот что будет, сейчас сказать трудно. Хуже, во всяком случае, не будет, я уверен. Разве что кратковременные обострения весной и осенью – ну, это норма для наших пациентов. Тут профилактические мероприятия показаны. А так – с людьми жить сможет. Посетить, если есть желание, – пожалуйста, в любое время.

С тяжёлым сердцем ехал Павел на окраину города, в это малоприятное заведение. Но совсем уж невольно ему стало теперь, после общения с главврачом. Ведь все его специфические фразы были сказаны не о ком-нибудь – о Лиле! Ни намёка на ободряющее «она поправится». Хотелось завывать и броситься лбом на стену, а потом – ещё, ещё и ещё, до беспомыслия...

Медсестра: «Пойдёмте!» – повела его по длинному узкому коридору. Открыла ключом дверь. «Если что, вызывайте», – указала на большую блестящую кнопку на стене. «Хотя она не буйная, но мало ли», – пояснила ошарашенному

посетителю.

Лиля стояла лицом к окну, забранному решетками. От худобы выглядела стройней и выше. Пёстрый балахонистый халат уродовал её фигуру. Уши казались слегка торчащими, оттого что волосы были коротко острижены. Потом Павел узнает, что перед тем, как отравиться таблетками, Лиля пыталась повеситься на косе... Но сейчас его сознание протестовало: это не она! Эта длинношеяя жердина не может быть его Лилей!

Метнулся к кнопке для вызова: всё перепутали, это не она! Но вдруг эта «не она» угловатым механическим движением повернулась к нему. Крик Павла застрял где-то в глотке. На абсолютно белом лице двинулись серые губы. «Павел», – прошелестело невнятно, и на миг взгляд стал осмысленным. Потом странное существо опустилось на кровать и начало ритмично раскачиваться из стороны в сторону, не обращая больше внимания на остолбеневшего посетителя. Стоило ли столько пережить в армии, чтобы получить от жизни такой чудовищный сюрприз...

Почти четверо суток Павел пропадал неведомо где. Случайно натолкнувшись на него Светлана едва признала брата: заплетающаяся походка, мутный взгляд и – поседевший чуб...

Врачи привели его в норму через несколько дней.

Прояснившийся ум заработал с удвоенной силой. Всплывали из памяти какие-то отдалённо похожие случаи – из лек-

ций, из книг. А значит – действовать!

– Время, голубчик, время, его упускать никак нельзя! – седенький дедок-профессор хорошо помнил активного заочника, который за год службы умудрился осилить программу 2 и 3 курсов.

– Процесс, я считаю, обратим, но требуются постоянные занятия, – вторило ему другое «светило».

И книжки с методиками нашлись, и консультанты осведомлённые, а только выходило так, что за конечный результат никто поручиться не мог и браться за столь сомнительную пациентку не решались. Видимо, другого выхода просто не было: должен сам.

Ценой невероятных усилий, интриг, подкупа, активизировав все связи, все резервы, поставив на уши знакомых и случайных знакомых – удалось добиться, чтобы Павел не вернулся в воинскую часть. Задним числом его расписали с Лилей, а дальше – «в связи с недееспособностью супруги...» Светлана имела минутное малодушие робко образумить брата: «А ты никогда об этом не пожалеешь? – подумай, ведь...» Но Павел так на неё зыркнул, что подавилась словами.

Из зловещей лечебницы Павел перевёз Лилию в более человеческие условия. Недавно открытой частной клиникой заведовал его давний знакомец, сосед по дому, где жили с отцом и Светланой.

Отдельную палату Павел оформил сам – так, как требовалось для успеха задуманного, в виде уютной детской. С яр-

ких стен смотрели на большую зверюшки, растения, обычные предметы. На двери появились географические карты, на окнах – цветы. На полочке – самые разные книги. Низкие тумбочки заполнились Олиными игрушками: мозаика, кубики, конструкторы ждали своей очереди. А также карандаши, краски, глина.

Достучаться до спящего мозга можно было, в первую очередь, через мелкую моторику рук. А ещё через органы чувств. Вот почему в дело пошёл и магнитофон: весёлая музыка призвана была прогнать апатию, ритмичная годилась для танцев, а спокойная способствовала крепкому сну. К тому же, прежде знакомые мелодии должны были помочь в восстановлении памяти. В одном научном журнале Павел обнаружил методику применения ароматерапии – и всевозможные эфирные масла тоже были призваны на помощь.

Спустя какое-то время Павел рискнул воспользоваться Лилиными стихами – будет ли реакция? И был невероятно обрадован, когда больная перебила его на третьей строчке: «Сама!» – и выдала без запинки, хотя и без всякого выражения, то, что он впервые прочёл в армии и четыре незнакомые строки:

Просто лечь. Просто сдаться. И просто уснуть.

Ощутить отделение от тела.

И душа уже вверх полетела.

А у тела коротенький путь.

Не перед тем ли, как лишиться себя жизни, сложила Лиля в воспалённом мозгу эти простые и страшные своим равнодушием слова?..

Непременной составляющей лечения являлись и прогулки по лесу, рядом с которым располагалась клиника. Природные виды, звуки, запахи проникали в подсознание, вызывая ассоциации из нормальной жизни. Павел, не вмешиваясь, наблюдал со стороны, как постепенно меняется выражение лица его пациентки, как всё заинтересованней прислушивается она к щёлканью птиц и шуму ветра в листве, как начинает замечать траву, цветы, муравьёв, бабочек...

Кроме Павла, с Лилей работали гипнолог и терапевт. Первый своими сеансами снимал страхи, производил положительный настрой и помогал вспомнить жизнь «до». Второй следил за физическим состоянием больной, подбирая полезные упражнения и витамины, давая рекомендации относительно умственной и физической нагрузки.

Олег и Светлана всегда с огромным волнением ждали появления Павла. Он научился спокойно смотреть в их полные тревоги и робкой надежды глаза. Ровно и почти буднично старался рассказывать о том, что происходит в клинике. Казаться уверенным в себе не сразу вошло в привычку, но Павел понимал: только так он добьётся успеха. И приучал себя не видеть вечно заплаканных глаз Светланы, не замечать виноватую понурость сильно сдавшего Олега. Любую просьбу

Павла Гладковы с готовностью кидались выполнять, так хотелось хоть в чём-то оказаться полезными. Каждый раз Олег суетливо пихал Павлу деньги: «Ты говори, если ещё надо, я найду, достану... Ещё чем помочь, говори...»

Только через три месяца Олег решился, наконец, навестить сестру. Павел тщательно проинструктировал родственника: как себя вести, что говорить – повредить могла любая неосторожность.

Была понятна робость, с которой Олег переступил порог: слишком живы были в памяти больничные ужасы и потрясающий ум образ куклы. Но при первом же взгляде на больную Олег заметно приободрился.

Лиля узнала брата сразу – Павел часто показывал ей фотографии родных, рассказывал о них. (Позднее так же заново знакомил её с классиками и разными известными людьми.) Приветствие Лили поэтому выглядело вполне осмысленным. Брат стал, не торопясь, выкладывать на стол гостинцы. Лиля размеренно комментировала:

– Это груши. Их надо мыть. Это конфета. Она сладкая. Это книжка. Будем читать.

Да, и читать, и писать ей пришлось учиться заново...

Брат и сестра минут двадцать вели лёгкую, довольно примитивную беседу, потом Павел сделал Олегу знак: довольно.

Всю обратную дорогу Олег размышлял об увиденном. И не мог отделаться от мысли, что в его мозгу перепутываются три образа: Оля, Лилька-дошколёнок и Лиля сейчас. Раз

в разговоре он даже назвал сестру именем дочери. Поправила: «Я Лиля!» Но в душе Олега возник горький протест: нет! Как бы ни старался Павел, но прежней Лиле не стать. Хотя титанические усилия привели, бесспорно, к серьёзным сдвигам. И дом сумасшедших, вполне возможно, не станет её постоянным жилищем.

Светлане, нетерпеливо набросившейся с расспросами, муж представил всё в предельно радужных тонах, тщательно собирая в памяти и суммируя все положительные «крохи». И завершить рискнул на предельно оптимистичной ноте: «Вот увидишь, твой братишка её обязательно вытащит!» – только ради того, чтобы наконец-то увидеть улыбку на вечно заплаканном лице любимой. Успокоительные лекарства давно стали обычными в их доме. Как и визиты к невропатологу.

Откуда Павел черпал силы? Бегал в институт, по магазинам, по библиотекам, по консультантам... А в ночную смену – на завод: норму быстренько сделаешь – можно прикорнуть в укромном уголке. Денег уходила уйма, одними Олеговыми не обойдёшься, ему ж и семью кормить надо. Узнав, что уволилась уборщица с их этажа, Павел взялся и за это «грязное» дело.

В моменты, когда уже совсем не оставалось сил, Павел шёл к Лиле. Садился с ней на уютный мохнатый коврик, клал её голову себе на колени. Ерошил жалкие волосёнки – «но они скоро отрастут и будут красивее прежних!» Погла-

живал и слегка покачивал, негромко приговаривая: «Лилечка моя, солнышко моё, лапочка моя, всё перемелется, всё успокоится, всё хорошо станет... Ты милая-милая, ты добрая-добрая, ты хорошая-хорошая, ты умная-умная...» Это было и заклинание, и самовнушение, и слёзная мольба... Лили слушала внимательно и, бывало, засыпала под эти наговоры. Павел боялся шевельнуться, чтоб не прогнать невзначай с её личика умиротворённое выражение. Какой была раньше во сне, не знал. Представить не мог, что бы чувствовал к ней, спящей, тогда. Сейчас же бесконечная нежность заливала сердце. Нежность старшего брата к маленькой сестрёнке. Или, скорее даже, чувство любящего отца к тяжелобольной дочери. Пропасть между ними стала огромной, но Павел об этом даже не думал. Жизнь без Лили – в любом качестве! – теряла всякий смысл. А поэтому путь был только один: вперёд! Он не пасовал ни перед чем в жизни, так неужели теперь, когда на карту поставлено так много...

Павел, может быть, к счастью, прочёл не все «истории болезни» – они «кому попало» не выдавались. А то бы узнал, что подонки – их, разумеется, так и не нашли, – вбили в истерзанное тело жертвы своё поганое семя, которое проросло... Врачи, ввиду тяжёлого состояния пациентки, решили пока не вытравлять. А разговор об этом происходил у постели пребывающей в беспомощности Лили, которая каким-то образом всё расслышала и поняла... Она дважды пыталась свести счеты с жизнью... Таблетки оказали пагубное влия-

ние на мозг... Знай Павел их названия и побочные эффекты, посмел бы бросить нешуточный вызов судьбе?.. А так он знал главное: должен спасти! И других вариантов – нет. Судьба просто не могла не сдаться этому оголтелому напору.

Вынужденно используя Лилино состояние, удалось выцарапать у властей города однокомнатную квартиру – очень помог Фёдорыч и справка о состоянии здоровья, в которой заведующий клиникой живописал, не скупясь на краски. Нервов пришлось потратить немало, но своего Павел добился: через полтора года, завершив лечение, привёз жену в новое жилище. С Лили не сняли инвалидность и приходилось опасаться рецидивов. Павел не без тревоги оставлял её одну, уходя на работу. Но Лиля уже самостоятельно выполняла все его задания, оставленные на листочке: сварить суп (уже без подробного описания, как и из чего), выстирать синее полотенце, прочитать вслух 30 страниц «Героя нашего времени», посмотреть по телевизору новости в 12 часов и записать главные, на её взгляд, чтобы вечером вместе обсудить, выполнить под музыку комплекс упражнений, записать в дневник пять предложений – о том, о чём захочется... Павел старался, чтобы ни одна минутка у жены не осталась свободной, чтобы скорее шло восстановление по всем пунктам. С радостью отмечал, что фразы из её уст становятся всё менее примитивными.

Когда Павел не был занят, свободное время они проводи-

ли вне дома: требовалась и социальная адаптация тоже. Контакты с посторонними в транспорте, в магазине, на почте... Конечно, часто бывали у Гладковых. Вначале Олег держался с видимым напряжением. Светлана была излишне суетлива. И только с Олей общение всегда получалось непринуждённым и доставляло удовольствие обоим. Но постепенно всё вставало на свои места. Время действительно лечило.

Глава 11. Загадай желание!

Тот Новый год запомнился всем: впервые встречали его с искренней радостью, с основательной надеждой на то, что кошмары остались в прошлом.

Оля первый раз принимала участие в ночном, «взрослом», празднике. Потому как накануне заявила отцу: «Я ж теперь большая, раз в школу пойду». С таким веским аргументом спорить не стали. Мама нарядила в обшитое блёстками шёлковое платье, которое уже успело покорить всю детсадовскую братию на утреннике. Косицу в мишуру завертела сама, перед зеркалом. За столом воображала неимоверно, и всё же с невольным восхищением посматривала на близких, которые в этот раз казались ей невероятно красивыми. Особенно Лиля: в длинном блестящем платье, с замысловатой причёской, с радостным выражением на лице. Уже несколько месяцев она работала в детской библиотеке, а с учёта у психиатра её окончательно сняли ещё весной.

Рядом с Лилей, конечно же, Павел – строгий и представительный, в безупречном костюме. В его лице обозначилась некая торжественная значительность: буквально на днях защитил кандидатскую диссертацию. Так что выглядеть теперь обязан был солидно. Впрочем, это ему без труда удавалось: тому немало способствовал резко выделяющийся на фоне чёрных волос седой чуб.

Светланин яркий наряд переливался и мерцал. Олег с откровенным любованием смотрел на неё. Сам был одет довольно просто, но светлая рубашка с коротким рукавом красиво оттеняла его могучую шею и мускулистые руки, с которых не сошёл ещё летний загар.

Оленьку совсем сморило к половине первого. Она успела героически выслушать «Новогоднее обращение» и с восторгом дзынькнуть бокалом с газировкой о фужеры взрослых. Кричала громче телевизора ура, вслед за всеми повторяла традиционные поздравления и пожелания. Бой курантов ещё неделю стоял у неё в ушах, а оживлённые лица родных навсегда остались в памяти как свидетельства одного из самых счастливых моментов детства.

Отправив шестилетнее сокровище спать, взрослые продолжали пить шампанское, подпевать «Голубому огоньку» и танцевать.

Покачивая жену в такт музыке, Олег спросил:

– Знаешь, что я загадал?

Светлана не поняла.

– Ну, «говорят, под Новый год, что ни пожелается, всё всегда произойдёт, всё всегда сбывается», – скороговоркой напомнил детский стишок.

Светлана рассмеялась, блеснув влажными зубами:

– Чудышко, а ты, оказывается, всё в сказки веришь! Двадцать девять скоро стукнет!

Женское любопытство взяло верх над насмешливостью.

Светлана затормошила мужа:

– А что же ты всё-таки загадал, а? Олежек!

Но неожиданно обидчивый на этот раз муж уже раздумал делиться сокровенным.

– Не скажу, раз смеёшься, – буркнул он и, оставив жену в лёгком замешательстве, вернулся за стол.

...Олег признался через день. Вернее, через ночь. Ворочался с боку на бок. Светлана в очередной раз натащила на себя одеяло и, наконец, спросила:

– Да что с тобой сегодня?

Муж, похоже, только этого и ждал. Зашептал:

– Светочка, я загадал, что у нас будет маленький! С Олей ведь случайно вышло, я и прочувствовать не успел, как выросла. Да и время для нас было тяжёлое... А сейчас – возраст, что ли, такой подошёл? – прямо тянет с маленьким повозиться. Как растёт, как учится всему, наблюдать. Мне даже снилось два раза: держу бы младенца в одеяле, а знаю, что не Оля.

– А бантик на одеяле был? – неожиданно заинтересовалась Светлана.

– Да, всё, как положено: чепчик, бантик. Красный.

– Эх, гляди, Гладков, напророчишь себе ещё одну девку!

Опять «уа-уа» по ночам, горы пелёнок...

– Свет, как на духу: хочу! Пелёнки и всё остальное. А если ты за Олю переживаешь, так я её настрою. Светочка!

– Не обещал бы ты раньше времени...

Не давая ей возразить, Олег перешёл к решительным действиям: припал к губам и прижался... Светлане приятно было чувствовать его страсть, и уже шумело в голове, и так жарко было от мысли, что и на восьмом году семейной жизни она по-прежнему желанна для мужа. Спихватилась было. «Ты ничего не забыл?» Он выдохнул ей в лицо: «Зачем?» И Светлана поняла, что в душе уже согласилась. Пускай, пускай у них будет ещё дочка или сын. На этот раз загаданное и желанное дитя. Но невольно вспоминается ужас, что испытала тогда, в первый раз, поняв: беременна. По своей же глупости. После одной-единственной ночи.

Открытие было сделано в колхозе, куда их, учащихся ме-дучилища, отправили после второго курса. Положение было отчаянное: не поехав с отцом в Сибирь, осталась практически одна, в общежитии, с крошечной стипендией, без перспектив найти работу. С Олегом знакомы были пять месяцев, ни о чём серьёзном разговора у них не было. И предсказать его реакцию не составляло труда – перед глазами не один подобный случай. Подружка, тоже Светка, была в курсе событий, она поддерживала и ободряла, но реально помочь ничем не могла: жили с матерью в «однушке», без избытков. Однако именно Света заставила её для начала всё рассказать Олегу. Права оказалась. «Как же мне повезло...»

...Казалось, что Олег спал сладким сном человека, на совесть выполнившего свою работу. Но когда Светлана – сама с собой – прошептала: «Ладно уж, согласна я», – муж открыл

глаза и расплылся в улыбке:

– Я знал, что ты согласишься.

Глава 12. Дневник

Этот надоедливый дождь! Разбудил так рано, барабанил по крыше. И уже не уснёшь. И раздражённо возишься в широкой постели. Уж лучше подняться и запустить стиральную машину. Белья накопилось достаточно, и равномерное гудение перебьёт нестерпимую дробь за окном. А пока надо смахнуть пыль и, может, протереть пол. Вечером, после работы, заниматься этим уж точно не захочется. Вечером – скорее бы в душистую ванну, а потом – в мягкое кресло, к телевизору.

Лиля ополоснула прохладной водой лицо, сделала несколько энергичных упражнений и принялась за уборку. Обмахивая «стенку», задела одну из нижних дверец. Сразу посыпались фотографии из конфетной коробки. И что спорила с Павлом, когда он предлагал купить альбом? Чертыхнувшись, стала собирать и складывать. Мелькали знакомые кадры: это она в садике, это – в школе, вдвоём с Олегом, это Олечка – карапуз в ползунках. А вот Павел. Застыла, вглядываясь. Здесь ему шестнадцать. Уже тогда серьёзный и строгий, несмотря на чуть взлохмаченный чуб. Тогда ещё, конечно, весь чёрный.

В душе толкнулось возмущение: ну почему им всё время приходится расставаться? Сейчас вот Павел на конференции, она третий день одна. Спыхватилась: пора выключить

чать машину. Фотографию произвольно опустила в карман. Расправившись с бельём, вернулась в комнату. Быстро собрала оставшиеся снимки. Так, где же стояла коробочка? Кругом тетради, тетради. Листнула верхнюю – конечно, конспекты по психологии, кто б сомневался! Кое-как удалось внедрить между ними коробку, но тут откуда-то снизу выскользнула потрёпанная серая тетрадка и шлёпнулась на пол, раскрывшись посередине. Неожиданно мелькнуло её имя, и Лиля невольно побежала глазами по строкам. Почерк мужа был тороплив и почти небрежен, некоторые слова читались с трудом.

«...Иногда закрадывается предательская мысль: а что если всё-таки не получится? И все труды пойдут прахом, и Лилия останется (*несколько неразборчивых слов*). Тогда иду к ней, сажусь на коврик. Её несчастная оболваненная головка лежит у меня на коленях, я перебираю пепельные волосёнки (всё, что осталось от роскошной косы) и шаманствую – внушаю ей и себе: „Ты милая-милая, ты умная-разумная...“ Смотрю в её задумчивое личико, и становится легче. И понимаю: надо продолжать! И ещё: мне без неё – никуда...»

Так вот откуда эта ласка! Правда, теперь Павел гладит её молча. И Лиле, наконец, становится ясно, почему она при этом испытывает странные чувства: приятно, но с горьковатым привкусом, почти на грани слёз. А что-то более откровенное и чувственное до сих пор вызывает у неё панический протест...

Лиля давно забыла об уборке, с жадностью глотая страницу за страницей: здесь было её прошлое, о котором не помнила почти ничего...

Перевернув последний лист, случайно взглянула на часы и вскочила: половина десятого, она опаздывает! Метаясь по комнате, быстро натянула что попало, подмахнула губы и ресницы. Схватила сумочку, захлопнула дверь. Запоздало спохватилась: ключи-то! К счастью, оказались на месте.

И на остановке, и толкаясь в автобусе, Лиля думала о прочитанном. В повседневной жизни ей то и дело приходилось сталкиваться с мелкими несуразностями. Так, в Олиных игрушках она как-то наткнулась на открытку, которую посылала брату в армию. Но, если бы не подпись, ни за что бы не догадалась, что когда-то писала таким почерком – нет никакого сходства с нынешним, округлым и разборчивым. Узнала теперь: учили заново. И понятным стало недоумение от обрывков странных воспоминаний: игрушки и яркие, в картинках, стены комнаты, которых точно не было в детстве, но через призму наивности и словно бы давности.

Выдавая детям книжки, разбираясь по каталогу с новым поступлением журналов, прихлёбывая в обед чай с вчерашним бутербродом (хорошо, не выложила дома), Лиля всё думала о тех днях... С Павлом они никогда о том не говорили: какое-то семейное табу. Знала, что и теперь не решится его ни о чём спрашивать. А значит, надо поискать: наверняка есть и другие тетради. А ещё можно попытаться разговорить

Олега. Пора ей до всего докопаться, чтобы соединить «до» и «после» своей жизни. Чтобы ушло, наконец, чувство раздвоенности, странное и пугающее, о котором ни с кем не говорила. Это казалось абсурдом: не помнила, как вышла замуж, долго удивлялась, рассматривая штамп в паспорте.

Смеркалось. Лиля сдала заведующей ключи от книгохранилища, попрощалась. На сегодня работа закончена. Зашла в магазин, купила торт.

Олег возвращался позднее, но Светлана уже привела с продлёнки первоклашку. Обе шумно обрадовались кремовым розочкам. Светлана поинтересовалась:

– А по какому поводу?

– Для поднятия настроения, – усмехнулась Лиля. Пояснила:

– Дома скукотища, Пашки который уж день нет.

– Торт – это хорошо, – одобрила Светлана, – но соловья баснями не кормят. Давайте-ка мы, девочки, готовить папке ужин.

Оля шустро достала из ящика картошку, вывалила в раковину – мыть. Лиля и Светлана взялись за ножи. Новоиспечённая ученица без умолку щебетала. Лиля с улыбкой слушала, но каждый раз лицо её на секунду застывало, когда натыкалась взглядом на заметно подросший животик Светланы: оставалось два месяца... Что семейство ожидает пополнение, Олег гордо сообщил ещё ранней весной. Его радость была такой ребячески искренней, что не верилось, будто

у него уже есть довольно большая дочь. Похоже, он и впрямь вступил в тот sentimentalный возраст, когда хочется нянчить и тетешкать маленькое родное существо, вместе с ним заново открывая мир...

Лицо Светланы становилось почти блаженным, когда муж, как вот сейчас, едва раздевшись и умывшись, с нетерпением бросался к ней: прикивал ухом и распахнутыми ладонями к животу.

– Маленький мой, вот я и пришёл, – с нежностью бормотал он, поглаживая и прислушиваясь. А в ответ шевелилось и толкалось незнакомое, но уже любимое существо. Олег улыбался, умилённо и немножечко глупо. И уж только потом заметил Лилю.

– Привет, сестрёнка, – коснулся губами волос. Оле – подзадоривая:

– Сколько двоек, ученица?

– Да нисколько же, ну тебя! – возмутилась та.

Когда на столе появился торт, Олег тоже озаботился поиском повода:

– Я забыл о какой-то дате?

– Нет, это просто так, для поднятия настроения, – словами Лили объяснила Светлана.

Муж негромко присвистнул:

– А что такое с нашим настроением?

Внимательно посмотрел на притихшую сестру, на животик жены, неловко крякнул. Кто ж виноват, что так случи-

лось? Что беда обрушилась именно на Лилию? Нельзя же вечно казнить – оттого, что у Лили и Павла никогда не будет полноценной семьи. Чай пили молча. Слышалось только Олино довольное мурлыканье и покачивание ногами – тоже от удовольствия. Для неё одной торт был по-настоящему сладким...

– Олег, пойдём, – после ужина Лили потянула брата в комнату, которая раньше была её.

– Светочка, я посуду потом помою, ладно? – кротко попросил Олег и, театрально всплеснув руками, притворно посоветовал:

– Ох уж эти женщины, на части рвут!

– Иди-иди уж, я сама.

– Нет, мы так не договаривались!

У Олега шла «учебная подготовка»...

Лилия плотно прикрыла за ними дверь. С Олега уже слетело наигранное легкомыслие. Он опустился на диван и с напряжением смотрел на сестру. Но она заговорила не о том, о чём ожидал.

– Олег, расскажи мне... То время, что была больна... Я ведь ничего не помню.

У мужчины вырвался шумный вздох. Появились складки на лбу. Ох, как же не хотелось к тому возвращаться!

– Лиленька, а может, и не надо? – жалобно почти проговорил Олег, приглаживая её по плечу: – Что было – то прошло, теперь всё хорошо...

Кривил невольно душой и сам понимал это. Да ведь ложь и лесть бывают и во благо.

– Как ты не понимаешь! – вскинулась из-под его руки Лиля. – Это же так страшно – без прошлого! Детство помню, школу, училище, как Павла провожали... И как таблетки глотала – тоже помню... Я хотела умереть – мне не позволили. Так дайте же мне всё узнать! Я не могу больше жить вслепую!

По её щекам текли большие круглые слёзы. Олег, опасливо поглядывая на дверь, прижал к широкой груди вздрагивающую всем телом сестру.

– Будет, будет тебе, – похлопывал успокоительно. Как в детстве, когда прибежала, жалуясь на обидчиков. Грозился тогда «покарать негодников», и кое-кому правда перепадало. А теперь кому грозить и мстить? Некому – как и в тот злополучный день, когда не смог успокоить...

Лиле было тринадцать, а Олегу двадцать, когда обрушилась на семью Гладковых беда. Казалось, все тревоги позади, ведь Олег только полтора месяца назад вернулся из армии. А нелёгкая служба его проходила на границе, и было несколько острых моментов... И каждое письмо от него ждали с нетерпением. А всегда весёлое мамино лицо на эти два года стало грустным и замкнутым. Но Олег вернулся в срок – возмужавший, широкоплечий, слегка огрубевший. И встречали его шумно и радостно. А Лилька, перешед-

шая в седьмой класс, нескладный длинноногий и тонкорукый подросток, отчаянно стеснялась такого взрослого брата. Олег неизбежно подсмеивался над ней, но было в этом что-то от добродушной снисходительности большого к маленькому. Неожиданная потеря сблизила...

В тот обычный будний день Олег ушёл в утреннюю смену на завод – вторую неделю работал в том же цехе, что и до службы. Лиля сидела с книжкой у окна: были летние каникулы. А мама и папа в отпуске, решившие купить цветной телевизор, на который пришла, наконец, открытка, отправились на их светло-сером «Жигуле» в сберкассу – снять деньги. В пяти кварталах от дома, буквально через несколько минут после того, как звали с собой упирающуюся дочь, родители попали в аварию: пьяный водитель выскочил на красный свет. Искорёженный «Жигуль» погрёб под собой изуверченные тела матери и отца. Им было едва за сорок – чуть расплывшему, большому и добродушному отцу и стройной, кокетливой, совсем молодой маме...

На похороны съехались многочисленные родственники. Некоторых Лиля не видела даже на фотографии. Все они шумно вздыхали, делали скорбные лица и говорили какие-то пустые слова. Суровый и мрачный Олег руководил всем: куда-то ездил, чем-то распоряжался, что-то показывал и объяснял прибывшим. В кухне Gladковых хозяйничала в те дни большая и толстая тётя Ира, которая доводилась погибшему троюродной сестрой и жила где-то на севере. Под её руко-

водством несколько других женщин чистили, резали, мыли, солили и перемешивали. Лиля в это время сидела на балконе и тупо смотрела перед собой.

Но вот всё и закончилось. Из дома ушли посторонние люди (Лилия не запомнила ни одного лица...) Нахлынула тишина. Лилия неприкаянно бродила по опустевшей квартире, порой натываясь на углы: похоже, её опухшие от слёз глаза не видели ничего вокруг. Или забиралась с ногами на кровать и сидела, уткнувшись лицом в колени. Время от времени забегали подружки – по школе, по двору. Но Лилия смотрела словно сквозь них, и разговора не получалось.

Олегу не скоро удалось растормошить сестрёнку, вывести из затянувшейся депрессии. Мягко, но настойчиво он отвыкавал её у горькой тоски. Вслух размышлял о своих делах, о каких-то посторонних предметах, чтобы только отвлечь, только согнать с лица безразлично-тупое выражение.

Вовлекал в домашние хлопоты, в походы на рынок и в магазин. Таскал – иначе не скажешь, почти насильно, – в лес, на речку, в кино, на какие-то дурацкие выставки. Иногда просто заставлял играть – в морской бой, в шашки.

Когда Олег был на работе, Лилия топила одиночество в книгах. Зачитывалась Дюма, Гюго, Жорж Санд, «Анной Карениной». Что-то иногда пересказывала девочкам во дворе, но их вопросы и высказывания казались такими детски примитивными... С братом книги не обсуждала никогда: многого он не читал, да и неудобно отчего-то.

Лиле было почти пятнадцать, она заканчивала восьмой класс, когда Олег заметно переменялся. Он стал часто задерживаться с работы, а иногда, ничего ей не объясняя, уходил в выходные и по вечерам. Это было очень обидно: Лиля привыкла располагать братом по своему усмотрению, и как само собой разумеющееся, он должен был всё свободное время проводить с ней. К тому же, прочитав уйму романов, Лиля догадывалась, в чём тут дело. Но спрашивать брата об отлучках не смела, и только дулась про себя и мрачнела, глядя на его невольную улыбку, когда возвращался.

Назревший разговор не мог не состояться. Олег позвал сестру на прогулку – как раньше. В первый момент она обрадовалась. Но потом поджала губы и неожиданно даже для себя выпалила:

– Что, поцапался со своей кралей?

Замешательство появилось на лице Олега лишь на миг. Затем он расхохотался:

– Секрет Полишинеля – так, кажется, это называется?

И, с прищуром заглянув съехидничавшей девчонке в глаза, возразил:

– А с чего ты взяла, что мы поссорились? Вовсе нет. Просто я подумал, что пора вас познакомить.

Лиле стало неудобно за свои слова, от щекотливости темы она засмушалась, покраснела, засопела и поспешила бежать. Олег постоял, покачал головой. И чего они обе такие?! Его девушка, 17-летняя застенчивая Светлана, с большой

неохотой согласилась быть представленной Лиле. А ему уже так надоели эти тайны, недомолвки, подозрительные взгляды сестрицы...

– Ну, Лиленька, она тебе понравится, – уговаривал Олег строптивицу. Она стояла, по обыкновению, перед окном, и худенькая спина выражала крайнюю степень упрямства. Голова неуступчиво поднята, руки перекрещены на груди – Наполеон, да и только!..

– Она тебе понравится, она хорошая, – повторил брат.

Лилька вдруг резко повернулась, и злые слёзы брызнули из глаз.

– Она хорошая, а я? С кем останусь я?

Двойка тебе, молодой человек! Как же об этом не подумал – что у Лили ведь нет больше никого. Крепко обнял уже не сдерживающую слёзы несчастную девчонку.

– Да что ты, котёнок, ты всегда будешь со мной...

...Лиля уже давно вытерла глаза и внешне спокойно слушала немногословный рассказ Олега.

– Значит, если бы не Павел...

– Да, это только он смог вернуть тебя к нормальной жизни. Мужчина вытер пот со лба и поднялся.

– Вымотала ты меня, дорогуша, по полной программе. Это ж так тяжело всё ворошить...

– Знаю, Олежек, знаю, только и ты меня пойми... Спасибо тебе.

Дотянулась, встав на цыпочки, до его щеки. И вспомнила ещё об одном.

– Олег, ты не думай, что у меня комплексы, зависть к вам... Вот честно – всё в порядке.

«Да уж какое – в порядке!» – про себя грустно усмехнулся Олег. Но на душе стало немного легче. Улыбнулся:

– Вот и молодец, вот и ладненько. Пойду займусь посудой.

Глава 13. Обретая себя

Дома Лиля нашла и другие дневники Павла. Он, очевидно, и не стремился их прятать, решив, что жена не станет копаться в его бумагах. А она копалась и не испытывала ни малейших угрызений совести – считала, что эти записи принадлежат и ей тоже. Просидела над ними всю ночь. А потом долго размышляла о муже, с которым прожили уже так много времени. И которого, как выяснилось, она почти не знала. Заботлив, сдержан, умён, не привередлив в еде и аккуратен до педантизма. Кажется, всё? Постаралась вспомнить, каким был в ту пору, когда так безоглядно влюбилась в него. Красивый, воспитанный, серьёзный, увлекательный рассказчик, остроумный собеседник, эрудит, книголюб, галантный кавалер. Но не это, не это всегда выступало на первый план.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.